

М. АНДРЕЕВА

18+

АТЛАНТИД

Андреева Мария

Атлантид Atl_ant_ID

<https://litres.ru/73918676>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман «Атлантид» представляет собой философско-психологическую драму с элементами детектива, где личные трагедии героев переплетаются с глубокими размышлениями о русской идентичности, совести и поиске истины.

Содержание

Звезда	5
Ошибка	8
Кухни	10
Преступление без наказания	12
Игла	18
Земля прощай!	21
Время	26
Подделка	28
Поворотная точка	31
Без берегов	34
Глаза - это зеркало души.	37
Стихия Огня	40
Отцы и дети	44
Смелость	47
Матери и дети	50
Красиво летят	52
У каждого своя Итака	54
Лебединая песня	58
Брат	68
Окна	70
Assassin's creed	74
Идеальная пара	80
Акварель	82

Окна души	87
Загадка сфинкса	90
Айвазовский	99
Дружба	104
В гостях у Полины	107
Детдом особого назначения	110
Матрица жизни	113
В имени - судьба	117
Гермафродит	124
Отец Тарасий	130
Человек из прошлого	136
Предсказание	141
Книги	144
Стефан и Елена	146
Воздух	151
Земля	154
Саркофаг	156
Смешались в кучу кони, люди...	163
Смешались в кучу кони, люди	167
Стен	171
Вода	174
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Андреева Мария

Атлантид Atl_ant_ID

Звезда

«Если звезды зажигают

*— значит — это кому-то нужно?..» **

— А если тушат?

«5 августа, на пике карьеры, Аполлинария Паломина — звезда экрана, блогер и одна из самых загадочных фигур шоу-бизнеса — была найдена мертвой. Многочисленные поклонники скорбят...»

Дмитрий оторвал взгляд от страницы. Это была первая статья о её смерти. В ней говорилось ровно то же, что и во всех последующих. — "Смерть похвалами не украсишь... и не украдешь", — грустно констатировал он.

Под текстом располагалась фотография. Ее выбирал сам Дмитрий. Выбор из портфолио звездной модели был огромен, но он остановился на той, которая, казалось, лучше всего отражала ее суть — не только внешность.

«Какая она все-таки была красивая! — вспомнилось ему. — Ее чуть угловатое лицо, светлые волосы, идеальные черты лица, синие глаза иногда зеленые, в них всегда отражалась улыбка, в улыбке было что-то задорное, почти мальчише-

ское», — мысли снова унесли Дмитрия в далекое прошлое.

А с фотографии продолжали улыбаться глаза Полины, характерной улыбкой осознания собственной красоты и загадочности.

Полина и Дмитрий были друзьями и даже больше, по крайней мере с его стороны. Страшное время, когда начинают уходить друзья молодости. Время, когда умирают любимые, — зима для души.

Дмитрий никогда не думал, что связь между ними окажется настолько тесной. Мучительной, неразрывно-близкой даже после её ухода. Он в последний раз задержал взгляд на лице Полины.

Воспоминания накатили удушливой волной. «Сейчас это — уже прошлое, а прошлое — прошло», — строго напомнил он сам себе, вздохнул и постарался почувствовать облегчение.

Пришло время проститься — статья полетела в корзину, за ней следом — другая, и вскоре туда отправились все материалы, содержавшие имя Полины и упоминания о ее безвременной и таинственной кончине. Вопросы без ответов так и останутся без ответов. Ничего! С него довольно, все кончилось вчера. Осталось только вынести мусор из дома и начать все сначала. "Из дома — сор, из сердца — вон. Хороший девиз." - саркастично улыбнулся он сам себе.

Вдруг затуманившуюся воспоминаниями реальность пререзал телефонный звонок.

«Кто бы это мог быть в такое время?»

— Алло.

— Что произошло с убийцей? — раздался в трубке резкий
ГОЛОС.

— Он сошел с ума...

— Я приеду.

— Конечно.

* «Послушайте!» В. Маяковский.

Ошибка

Опыт — сын ошибок трудных. — Или анархии?

Я думаю, это была ошибка, — сказал Стефан, степенно переступая порог.

— Что было ошибкой? — спросил Дмитрий, гордый собой. На его лице впервые за долгие месяцы заиграла улыбка. — «Как в старые времена», — подумал Стефан с облегчением.

— Я смотрю, тебе полегчало, — сказал он вслух.

— Посмотри лучше в мое мусорное ведро! — с гордостью произнес Дима.

— Оно полно старых новостей!

— Вот это результат! — засмеялся друг.

В голубых глазах Стефана заплясали искры явного удовольствия.

— Я провел первую ночь без нее! Она совсем мне не являлась! Совсем! — в восторге продолжил Дмитрий.

— Честно сказать, я сомневался в эффективности твоего метода — уж больно средневековый. Не в моем духе. Но надо признаться — сработало. Аллилуйя! — театрально воздел он руки к люстре.

В нем снова проявлялся былой артистизм, по капле возвращались чувство юмора и заразительный смех, которых так не хватало его друзьям в последнее время.

— Так что там насчет ошибки? Интригуешь?! — подмигнул он, комично вскинув брови.

— Не бери в голову, — мгновенно помрачнел Стефан. Однако быстро нашелся:

— Я, видимо, просто устал. Переутомился, да и мало спал, честно говоря, вот и лезт всякое в голову.

— У меня есть средство! — сказал Дмитрий и достал стакан.

— Выпей! Средство проверенное. Тебе покрепче?

— Как всегда.

— Без сахара?

— С лимоном.

Некоторое время они молчали, наслаждаясь тишиной, теплом и ароматом напитка. А затем появилось то, ради чего они пили именно чай — атмосфера, как нельзя лучше подходящая для философских бесед и воспоминаний.

Кухня была особым местом в доме Дмитрия. Он сам занимался ее дизайном, вложив туда столько души, сколько могло вместить ограниченное пространство этой четырехугольной комнаты.

Друзья сидели, наслаждаясь теплом и уютом.

Кухни

— Вы какую кухню предпочитаете?— Русскую.— Должен предупредить, у них там своя кухня.— И свой молотов коктейль. Ох уж эти русские кухни! Эти кузницы судеб мира, где под молотами языков об наковальни мнений куются планы спасения вселенных, оттачивается оружие свободы и жарятся новости газет. Эти тайные собрания единомышленников и противников, эти штаб-квартиры по борьбе со вселенским злом и мировым добром. Ну какое сравнение выдерживают с ними респектабельные кафе и фешенебельные рестораны?!

Пока живы русские кухни, не оскудеет земля Русская философами и мыслителями самого высокого ранга! Нет проблем, которые бы не поднимались на русских кухнях — это и теории заговоров, и мировое господство, и духовность вкупе с культурой.

А таких кухонь — миллионы — одна над другой расположены они в гигантских домах мегаполисов. Одинокими звездочками горят их окна в ночи тайги или тундры. Не важно где, но связаны они единым нервом мысли. Работа идет везде: языки строят стены сомнений, бросают в них камни мнений, об эти стены бьются крепкие головы, они горячатся и остывают, как самовары или вытеснившие их в этом почетном месте новомодные чайники. Чай — душистый проводник в мир беседы. Без него нет ни тепла, ни разговора.

На такой вот кухне сидели наши два друга и разговаривали.

Красиво горела в абажуре лампа, нежный свет лился от лампы газовой конфорки.

Преступление без наказания

- Или без вкуса?

— Помнишь, мы разговаривали об иммигрантах, — начал Дмитрий.

— О том, что заставляет людей бросать Родину и родных? — переспросил Стефан.

— Да. Бегут ли они от страха или стремятся к лучшей жизни? Да и что такое «лучше»?

— А почему кто-то остается, несмотря на смертельную опасность? А кто-то бежит даже от хорошей жизни, — продолжил мысль Стефан.

— Ты так уверен, что это осознанный выбор? — ехидно отрезал Дмитрий, — Может, это просто разные типы реакций рептильного мозга? — включил он свою обычный сарказм. — Холерики — бьют и бегут, меланхолики — плачут, а сангвиники — притворяются уже мертвыми.

— Не мог не вставить он комментарий в своем духе. Узнаю тебя прежнего, — сдержанно улыбнулся Стефан.

— Я тут вспомнил один случай. Рассказ друга-моряка — начал Дмитрий, задумчиво, и как бы подбирая слова. — ...не совсем в тему, но тоже про миграцию в какой-то степени...

Дмитрий немного помолчал и начал рассказ:

— Когда корабль заходит в Африканский порт, всегда

кто-то пытается проникнуть на борт нелегально и спрятаться среди груза.

Они в этом деле — великие виртуозы.

Надо прикинуться шлангом — они шлангом прикинутся. Надо канатом — пожалуйста. Надо бочкой — без проблем!

Однажды мой друг рассказывал, как сам видел тень где-то вдали, а через секунду тень уже пряталась у него на борту, а еще через секунду — уже в трюме.

Так вот, знакомый знакомого моего друга, — продолжил он, — столкнулся нос к носу с таким беглецом в открытом море. Видимо, удалось проникнуть тайком.

Не долго думая, он швырнул несчастного в море, подписав тем самым себе и ему смертный приговор.

«Ясное дело, что войти в европейский порт с нелегалом на борту — это кошмар!» — пытался он объяснить сам себе то, что натворил.

Но его начала мучь совесть. Он рассказал о случившемся. Товарищи его как могли поддерживали и сказали, что никто никого не будет преследовать за смерть человека без документов. Но тут началось...

Парня мучили кошмары. Он видел во сне убитого им человека. Видел каждую ночь. Мертвец приходил к нему во снах, молчал и смотрел пустыми глазницами. А за ним зияла пустая чернота ночи, тысячей биноклей глядя на его преступление.

Моряк был здоровым, сильным и веселым парнем, у него

была любимая девушка. Но после этого рейса все изменилось.

Он не мог не думать о случившемся, о человеке, которого убил. Он буквально помешался. Он пытался говорить об этом, но девушка не хотела его слушать и просила «хотя бы ради нее» забыть об этом кошмаре.

И, разумеется, вместо того чтобы забыть, он заболел. Рассказывают, что мертвец преследовал его во снах, а он потихоньку сходил с ума.

Под конец моряк решил пойти и сдать в полицию, попытался объяснить там, что произошло, но полиции было все равно.

Над ним посмеялись и отправили домой, советуя не создавать лишних проблем ни себе, ни им.

Тем временем, парень сам для себя стал непосильной проблемой. А мертвец продолжал ему являться каждую ночь!

Я лично очень ему сочувствую! Смотреть на нашу прекрасную Полину каждую ночь — было то еще "удовольствие". А на незнакомого черного мужика да еще и убитого тобой. Бр-р-р В дрожь бросает, как подумаю! Просто фарш мозга!

Через некоторое время моряка нашли мертвым в собственной квартире. Он повесился.

Стефан вздохнул:

— Порой отсутствие наказания тяжелее самого наказания, — констатировал он.

— Да, не всем дано убивать безнаказанно, — едко отозвался Дмитрий.

— Эта история не про иммигрантов...

— Согласен, хотя и про них тоже. Но позволь обратиться к тебе, — Дмитрий наигранно повысил градус пафоса, — с профессиональным вопросом: что можно было сделать в этой ситуации? Если убитого человека уже не вернуть И кто виноват в случившемся? Парень, система или сам чернокожий беглец?

— Кто виноват? И что делать? — расстроился Стефан. — Столько лет прошло, а "на манеже — все те же": те же проклятые вопросы: "Кто виноват?" И "Что делать?" — Он замолчал.

Было видно, что история задела его. Он молчал долго. Дмитрий наблюдал за другом, стараясь прочесть мысли на его лице, наслаждаясь каждой секундой и чувствуя, что страшное наваждение покидает его, и он снова владеет собой и беседой.

«Лучший вопрос — тот, ответа на который не знает ни спрашивающий, ни отвечающий, — думал он. Именно такой вопрос задал он другу. А не банальное «кто виноват?»».

Но Стефан начал отвечать не прямо на вопрос. А издали.

— Знаешь, наверное, эта история все-таки про иммигрантов! — начал он после паузы. — Помнишь, у Достоевского, студент Раскольников, прежде чем убить старуху-процент-

щипу, задавался вопросом: кто он? Это вопрос, заметь, гораздо более высокого разряда чем «кто виноват?», «что делать?».

Так как это — вопрос системный, а не ситуативный. Человек, знающий, кто он, вообще много чего знает про себя и про жизнь.

Так вот, Раскольников имел два альтернативных ответа — «тварь дрожащая» или «власть имеющий».

Откуда он эти альтернативы почерпнул? О какой власти шла речь? О власти убивать? Знаешь, откуда вообще эта дуальность и этот вопрос?

Дмитрий отрицательно покачал головой.

— Нет? Не удивляйся только — из Корана. Точную цитату дать не могу, но процитирую в переводе Пушкина:

Мужайся ж, презирай обман,

Стезю правды бодро следуй,

Люби сирот, и мой Коран

Дрожащей твари проповедуй.*

— Смотри, — Дмитрий указал куда-то в воздух, — это как раз то, что делают в нашем мире — «проповедуют «Коран», — он показал пальцами кавычки.

— Хотя вместо «Корана» можешь подставлять что угодно: любовь, демократию, свободу. И поэтому, как «власть имущие», могут убивать, не чувствуя угрызений совести.

— «Подставлять» - здесь ключевое слово.

— И именно поэтому у нас столько мигрантов.

— Все сходится, — самодовольно ввернул Дмитрий.

— А в чем разница между теми, кто испытывает угрызения совести и теми, кто не испытывает их?

— Наверное, в отсутствии вкуса. — Оба неожиданно засмеялись.

— А что? Так говорил мой знакомый художник. У кого нет совести — у того нет и вкуса.

— Почему?

— Потому, что совесть, как и вкус — это ощущение лишнего. А преступление — это всегда лишнее.

А. С. Пушкин «Подражания Корану»

Игла

«О деньги! Власть! О мощное орудье!»*

— Или игла?

— А как хороша полиция! — провозгласил Дмитрий.

— Да, и похоже, окончательно его подкосила именно она,

— ответил Стефан.

— Морской волк готов был к наказанию, он хотел его — а от него отмахнулись, как от назойливой мухи.

— Надо было идти в храм, — резюмировал Стефан.

— К Порфирию Петровичу** ему надо было идти! — Дмитрий пренебрежительно махнул рукой. — Наказание облегчает бытие.

— Оно его уравнивает, — поправил Стефан. — Знаешь, это напомнило мне наркоманов... Когда я работал с ними в Европе, они рассказывали о самых унижительных моментах в своей жизни. Как думаешь, что это было?

— Наверное, побои с изнасилованием, — пожал плечами Дмитрий.

— Представь себе — нет. Игнорирование преступления ранит сильнее, чем кара, так как лишает человеческого статуса. Для них норма — воровать в супермаркетах, они делают это ежедневно. Самым невыносимым для них было, когда их видели, но... не задерживали. Делали вид, что не замечают. Незамеченная кража - высшее унижение. Понимаешь?

Они-то прекрасно знали, почему им дают уйти. Эта смесь презрения с милосердием была хуже любых побоев. По сути, им отказывали в праве называться людьми. На них смотрели настолько свысока, что даже не снисходили до фиксации преступления.

— Вот и гадай после этого, что нужно человеку, — задумчиво произнес Дмитрий. — Может, и правда — быть наказанным?

— Говорят, даже серийные убийцы подсознательно хотят быть пойманными. Хотят, чтобы их остановили. Поэтому и оставляют подсказки.

— Вообще-то, это миф, — Дмитрий расширил глаза и перешел с бархатного баритона на театральный шепот. — У убийц просто атрофируются защитные механизмы. «Маска нормальности» деформируется, понимаешь? Иными словами, они просто "теряют берега". Отсюда и все эти «намекы» для следствия.

— Интересно, — вздохнул Стефан. — Если бы полиция всё-таки приняла того моряка, жил бы он дальше? Пришла бы его совесть в баланс с душой? Настоящее «Преступление и наказание»...

— В современной "морской" обработке — оба засмеялись.

— Я думаю, что трудно быть полицией. Делают что-то — плохо, не делают — еще хуже, — сочувственно произнес Стефан.

— Вывод таков: если кто-то хочет быть наказан — он этого не получит, а если должен — тем более.

И друзья снова весело засмеялись. Они еще не знали, что ждет их в самом ближайшем будущем.

* Софокл «Царь Эдип»

** Следователь из произведения Достоевского "Преступление и наказание".

Земля прощай!

— Добро пожаловать на землю!

Дмитрий и Стефан посмотрели друг на друга — они были мало похожи. Стефан был высоким, худым, с кудрявой светлой бородой и голубыми глазами.

Дмитрий, напротив, был крупный, темноволосый, с черными пронзительными глазами, хранящими следы внутренней боли, постоянной тревоги и сарказма.

«Сарказм, — подумал Стефан, глядя на друга, — «происходит от *sarkazo*, — вспомнил он основы греческого, — терзать плоть или «рвать мясо».

Сарказм — это боль, обернутая в одежды остроумия. Не случайно слово так напоминает «саркофаг» — «пожиратель плоти». Сарказм — саркофаг для боли. Сарказм стал постоянным спутником Дмитрия. Он чуть не похоронил себя живо со всей этой историей.

Стефан посмотрел на друга:

«Дмитрий» — произнес он мысленно его имя, стараясь прочувствовать каждый звук. Как будто это может помочь принять решение: «Сказать ему или не надо?», — мучительно взвешивал он в уме.

Друг сильно изменился, из веселого нескладного мальчишки он превратился в настоящего красавца, холеного, широкоплечего, хоть и потрепанного последними жизненными

событиями.

«Он как корабль после шторма. Нет, скорее он как земля после оползня или землетрясения.

Все кажется таким ужасным с зияющими провалами впадин, наплывами земли, но проходит время — и земля сама себя возрождает — покрывается травой и цветами. А там, где были провалы, открываются родники, и они превращают безобразные комья земли в плодородную долину. Так и Дмитрий, — думал Стефан. — Он обязательно восстановится, он такой земной. Ему нужен просто толчок, стимул, просто источник вдохновения или источник живой воды И тогда пустыня зазеленеет».

— Я думал, что кончу, как тот несчастный моряк с его кошмарами, — прервал размышления друга Дмитрий, — задача не из легких — видеть мертвых каждую ночь, - сказал он со смехом. - Даже с Полиной это было сложно, несмотря на ее привлекательную внешность, — зачем-то повторил он свою, видимо, наболевшую мысль и продолжил:

— Сны — это отражения жизни, но в моем случае — все было наоборот. Жизнь превращалась в отражение снов. Видеть Полину и не знать, что ей нужно, — было настоящим кошмаром. Хорошо, что ей требовалось всего лишь отпевание.

— Возможно, и нет

— Как это нет? — Дмитрий выглядел обескураженным.

— Именно поэтому я и пришел. — Стефан помолчал и

наконец решился. — Теперь Полина снится мне.

Черные глаза Дмитрия расширились и полыхнули ярким пламенем, но стремительно потухли.

«Как вулкан», — подумал Стефан и принял окончательное решение:

— Во время отпевания меня не покидало очень странное чувство, — Стефан виновато посмотрел на друга. — Ты знаешь, это случается в каждой профессии, с опытом приходит интуиция, которую ничем не объяснить.

— И что?

— Священники, которые молятся больше всех остальных, начинают чувствовать больше во время молитвы. Например, во время отпевания очень чувствуется, какой была жизнь покойника.

— Что ты этим хочешь сказать? Не понимаю тебя.

— Хочу сказать, что чувство во время отпевания Полины было престранным. Но я не придавал этому значения.

— Поясни. — Дмитрий начинал чувствовать раздражение.

Стефан попробовал пояснить с начала:

— Мне приходится много молиться об усопших. Вообще-то я стараюсь не обращать внимания на свои ощущения, но так или иначе всегда чувствуется, как жил тот или иной человек. Как будто связь создается между твоей душой и его, не всегда

— Ладно, ладно, пропустим это, и что Полина? — нетер-

пеливо перебил Дмитрий.

— Дело в том, что в тот раз я чувствовал что-то очень странное. Что-то очень неправильное. Не смотри на меня, как на сумасшедшего. Скажи лучше, ты уверен, что она была крещена? Нельзя отпевать самоубийц и некрещеных.

— Все сейчас крещеные.

— Нет, после времен советского атеизма не все.

— Зато есть люди, крещенные дважды, я слышал.

— Так как они не уверены, были ли крещены в детстве. А спросить не у кого. Поэтому они крестятся вторично. — Стефан вздохнул. — Все совершалось втайне, часто крестили бабушки, без ведома родителей и остальных членов семьи. Так было не со всеми. Было много и атеистов

— Их и сейчас много, я например.

— Скажи лучше, дорогой атеист, что ты знаешь о Полине?

— Не очень много.

— Подумай хорошенько. Откуда она?

— Из шоу-бизнеса.

— Не совсем географично.

— Как и большинство девушек оттуда, она взялась из ниоткуда, из воздуха, в ее случае из пены морской

— Ага, значит, что-то все-таки знаешь.

— Они просто создают себе легенды и сами в них верят.

— Какова была ее легенда?

— Маленький прибрежный городок, случайная встреча с агентом. Головокружительный успех.

— И название города ты знаешь?

— Да.

— А имя ее настоящее или псевдоним? Ты говорил, что вроде настоящее.

— Так и есть, настоящее — насколько можно быть уверенным с Полиной.

— Такое необычное и наверняка редкое... А не съездить ли тебе на море на пару дней, на выходные? Я тоже постараюсь вырваться.

— Зачем?

— Погреемся на солнце, отдохнем — тебе надо. И мне не лишнее. Спросим заодно, помнят ли они красавицу со столь необычным именем. Может, повезет найти документы какие-то, священника, который ее крестил, или бабушку, которая его приглашала.

— Babushka knows.

— Only Babushka can judge me.*

Друзья засмеялись, вспомнив старую шутку.

* — Бабушка знает

. — Только бабушка может судить меня. (англ.)

Время

*В месте пересечения вечности и времени находится истинное мгновение человеческой жизни.**

— А если им друг на друга параллельно?

Время — это не часы. Время — это шелк.

Это шелковое полотно, натянутое между прошлым и будущим.

Происхождение его не ясно и туманно — может, оно от Бога, а может, от дьявола, стремящегося отгородить людей от вечности забором беспросветного быта.

Или это старухи Мойры неумолимо перебирают нити нашей жизни? Со свистом ткется полотно, и этот свист сливается в единый звук, многоголосый и мощный, как волна. Колебания волн рождают созвучия, сплетенные в мелодию жизни, под которую мы танцуем, попадая в ритм или выпадая из него.

В танце нельзя лениться, в танце нельзя бояться, в танце некогда ждать — в танце надо жить. Надо повиноваться ритму, отдаваясь на милость волн, наслаждаться его пульсом, то поднимаясь, то подныривая под волну, то катясь по ее зыбкому гребню.

Вовремя — это залог успеха.

Вовремя — это великое слово, от которого зависят наше

будущее и настоящее, наш мир и наше благополучие. Это мерило нашего счастья и душевного равновесия. А оно столь шатко и высокоподвижно, что аж страшно...

Все, что поздно и невпопад, — выбивается из жизненного полотна уродливыми узелками и петлями арканов, все, что рано, — натягивает струны мироздания до предела затяжки на шелковой глади. В гармонии сила!

По шелку легко скользить, но когда его поверхность изрыта затяжками временных провалов, скольжение чревато путаницами и спотыканиями.

Бывают на ткани бытия и разрывы...

**Милорад Павич.*

Подделка

— *Курица или яйцо?*

— *А был ли подлинник?*

— *Что было раньше: оригинал или копия?*

Дмитрий был в ярости, он проделал такой путь, чтобы ничего не найти! Еще хуже! Обнаружить копию! Подделку!

В последний момент Стефан поехать не смог. А Дмитрий, открыленный любопытством, поехал в прибрежный городок один.

Вообразите его восторг, когда он разыскал единственный действовавший во времена атеизма храм на горе, нашел там заветную бабушку, спросил про Аполлинарию Паломину. И услышал, что зеленоглазая красавица жива и здорова, что она живет недалеко и каждое утро ходит купаться в море.

И вот он стоит и с трепетом видит ее, приближающуюся к нему, но ничего не замечающую, готовую пройти мимо своего лучшего друга. Он ее окликнул, посмотрел ей в глаза и понял — не то, не она.

И сразу весь волшебный образ рассыпался на множество осколков. А один из них вонзился ему прямо в сердце, больно ранив. И глаза не те, и волосы, и ростом ниже Все не то. Желчь сочилась из отравленного и раненого сердца.

О да, он знал, на кого ее излить! Он знал, кто этого достоин.

Ах, если бы у него были жабры, он бы уже бороздил безбрежный океан, если бы были крылья, он бы уже ринулся с самой высокой скалы.

Его шея и спина стали прямыми, как хлыст в высшей точке удара. И он готов был нанести этот удар, он созрел. Как легко наносить удары близким людям — всегда знаешь, где самые больные точки.

А пока Дмитрий в ярости ощущал себя то ужом, то соколом, Стефан занимался очень интересным делом. Лампа освещала его русые волосы и большие руки. Руки, знавшие, как держать и лопату, и паникадило, так же виртуозно управлялись с ручкой и карандашом. Белая бумага давала отсвет на льняную бороду и на все лицо, придавая им как будто дополнительное свечение. Вдохновение разлилось по его лицу.

Стук в дверь. Стефан вздрогнул.

Дмитрий явился внезапно.

— Ну что, как спалось? — начал он взбешенно.

— С кем? — попробовал отшутиться Стефан, видя неладное.

— С собой. С совестью со своей. Не мучила? Во сне не являлась? Нет? А должна бы.

— Почему?

— Ты отправил меня неизвестно куда, неизвестно зачем. Духовность повесить в массах, наверное — язвил он из по-

следних обиженных сил.

— Так все-таки повысил?

— Я ее нашел, но это была не она.

— Духовность?

— Нет, Полина. Она совсем другая, только имя такое же.

— Красивая хоть?

— Да, только толку

— Ты с ней говорил?

— Нет, конечно. Зачем?

— Ну, откуда имя такое взялось. Интересно же

— Совсем не интересно. Ни капельки! Слышать ничего не желаю. Слышишь?

— Как скажешь. Но я бы к этому еще вернулся, когда остынешь.

— Ни за что!

Ярость исказила правильные черты лица Дмитрия. Огромные глаза зияли, как черные дыры, и было в них столько боли, столько неразделенной любви и страдания

Поворотная точка

— В жизни каждого из нас наступает миг поворота. Оказываешься наедине с собой. Не с тем, каким еще станешь. А с тем, каков есть и пребудешь всегда. Вы слишком молоды, чтобы понять это. Вы еще становитесь. А не пребываете.

— А если проскочишь этот миг поворота?

— Сольешься с массой. Лишь немногие замечают, что миг настал. И ведут себя соответственно.*

— Такая точка всего лишь одна?

— Как повезет,

— Быть или не быть.**

Поворотная точка — это момент, после которого жизнь никогда не будет прежней. Поворотная точка — это горизонт, который отделяет землю от неба, и даже если его не видно, земля никогда не станет небом, равно как и небо — землей.

Ее можно пройти, даже не заметив, пронестись на бешеной скорости, даже не притормозив. Но, если оглянуться назад — иногда можно разглядеть эту кнопку, приведшую в движение скрытые пружины и запустившую механизм перемен.

Поворотная точка — это стык времен, это линия, разрезающая жизнь на до и после. Подобно тому, как горизонт

отрезает небо от земли. Горизонт — Хронос, то есть Время, оскопляет Урана, то есть Небо, чтобы Гея — Земля перестала рожать и могла отдохнуть.

Эта линия небесным росчерком поставлена нам прямо перед самыми глазами, чтобы напоминать ежедневно: Время течет! Ты не вечен, как и время, отведенное тебе на творчество и на роды, поэтому, если хочешь успеть, — твори сейчас. Не откладывай и не задерживайся. Действуй! Никто не знает, когда наступит она, эта точка невозврата и перемен. Помни об этом, глядя на горизонт!

— — —————

Дома Полину ждала неожиданность. Ее возвращения дожидался человек.

Он был красив и взволнован. Еще издали она заметила незнакомца, высокого, темноволосого, и он как будто сиял.

— Полина! — протянул он руки к ней.

Но, встретившись с ее непонимающим взглядом, осмотрел девушку с ног до головы. И лицо его, еще недавно излучавшее такую радость, поникло — явно проступили круги под глазами — свидетельства бессонных ночей, опустились углы рта. Незнакомец буркнул что-то про то, что искал друга и очень обрадовался, но оказалось, что ошибся.

Мужчина покраснел, поняв всю нелепость сказанного. Еще раз извинился и ушел.

«Странный», — подумала Полина, пожав плечами и поглядев еще раз в широкую спину удаляющегося незнакомца.

*Дж. Фаулз. «Волхв»

**У. Шекспир "Гамлет".

Без берегов

— На том берегу быстротечной реки Одиссей повстречал Навсикаю...*

— *На берегу очень дикой реки?****

— На берегу этой тихой реки.

Петр Февральский уже давно ни с кем не разговаривал — еще не старый, но полностью раздавленный жизнью человек, он был безучастен ко всему.

Лицо его хранило остатки бывшего благородства и муки. Ему не хотелось ничего. Ничего больше того, что он имел. А именно: он имел молчание и забвение — это были высшие блага в его мире, отгороженном от реальности этими двумя крепкими стенами сознания. Белое безмолвие — святое безумие. И это был вовсе не он, а царь Эдип в далекой Элладе, бродящий по холмам священной Греции, по берегам реки Стикс.

Все в воле богов, все предрешиено у всего есть смысл и законченность. Будет конец и у его блужданий по полям асфodelий... Только смысл в этом какой? Нет, лучше не думать.

Биография Петра Февральского, в отличие от Полининой, прекрасно гуглилась. Множество видео выступлений, текстов книг и статей по искусству дополняли сухой текст официальной биографии.

Весь его жизненный путь, устланный лаврами, был омра-

чен лишь двумя темными пятнами — убийством Полины и самоубийством юноши-оппонента, оставившего записку с обвинением.

После серии дебатов и публичной полемики юношу нашли мертвым, выбросившимся из окна, а дома нашли записку: «В моей смерти прошу винить Петра Февральского. Своей смертью я открываю окно Овертона»...

Это был удар ниже пояса. Громкое резонансное дело взорвало общественность. В нем было все: и красота, и ум, и грех. Это было еще до знакомства с Полиной.

Как эстет и интеллектуал, Петр тяжело переживал эту смерть, хоть непосредственно он и не был к ней причастен.

Встреча с Полиной его излечила. Казалось, у него началась вторая молодость. От тяжелого скандала не осталось и следа. Но счастье их продлилось не больше трех лет.

Что же все-таки произошло?

И откуда вообще взялась эта Полина? - эти вопросы не давали покоя Стефану.

Он пробовал встретиться с Петром Февральским — мужем и убийцей Полины. Известным профессором, сошедшим с ума после того, что совершил.

Пока что удалось договориться о встрече только с его матерью, переселившейся в квартиру профессора.

— Кто там? — спросила Нина Петровна, она сидела, согнутая и старенькая, покрытая вязаной мантильей желтого цвета, она просто сидела — никаких особых занятий у нее не

было. И она была явно рада приходу гостей. Она вообще-то мало что помнила, только самое важное — только свое детство. Иногда всплывало еще что-то, но она старалась быстро это забыть, но это все было уже не столь важно.

Она рассказывала гостям истории, иногда правдивые, иногда придуманные на ходу. Она не тешила себя иллюзиями, что им интересно, она понимала, что слушают они из вежливости. Ей было приятно не быть одной. Ей было приятно слышать свой голос не в одиночестве.

Она позволила Дмитрию со Стефаном войти в комнаты сына, где все осталось нетронутым.

* К. Арбенин, «Зимовье Зверей», песня «Навсикая».

** И. Кормильцев, «Наутилус Помпилиус», песня «На берегу этой тихой

Глаза - это зеркало души.

— А окна — глаза дома?

Странно было заходить в квартиру, столько лет пустовавшую.

«Словно тело без души», — подумал Стефан. Большая круглая гостиная, с большим панорамным окном, задернутым тяжелой портьерой. Все было на местах, все красиво, книги — в шкафах, картины — на стенах, пара фотографий какого-то пса и какого-то города. Классики, философы, пейзажи — все было призвано отражать и обслуживать богатый внутренний мир обитателей дома. Только так не случилось. Не было больше ни мира, ни хозяев.

Постояв немного, друзья пожали плечами и собрались уходить. Пространство не говорило с ними языком зацепок и улик. Оно хранило безмолвие.

Дмитрий снял со стены и подержал изображение какого-то города — перевернул и прочитал надпись. «На память о незабываемом лете».

Она чем-то привлекла его внимание, но чем, он так и не понял. Он повесил ее на место и вышел вслед за другом.

— Все наши усилия равны нулю.

— Но иногда ноль может дать самые неожиданные резуль-

таты. — В глазах Дмитрия блеснул неожиданный озорной огонек. — Однажды при заказе трески испанский негодник написал «150 или 100». На испанском получилось «100 о 150». Там, почти как в английском, только без буквы г на конце — просто «О». То ли «О» он написал слишком крупно, то ли норвежцы не разобрались в тонкостях перевода, прочитали это в свою пользу и прислали шокированному торговцу 1 000 500 штук трески.

И гнить бы этому всему богатству, но тут на помощь пришли враги, случилась осада города, завоеватели надеялись на фактор внезапности. И на голод в качестве союзника. Но полтора миллиона трески никому не дали помереть с голоду. Неприятель отступил, устав осаждать сытых граждан. А купец основал один из самых известных банков Испании*, который действует и поныне.

— Чудесная история. Но как она нам поможет?

— Нам надо обнулиться!

— То есть как?

— Признать, что мы не совершенны.

— Признано.

— Что мы полные нули.

— ОК. И что?

— И вернуться к истокам.

— Чего?

— Нашей дружбы. Одним нам не справиться, — констатировали Дмитрий. — Но у меня уже готов план дальнейших

действий! Ищите женщину! — провозгласил он, победоносно подняв палец.

— Нет уж, хватит, — еще под действием атмосферы профессорской квартиры проговорил Стефан.

— Как это хватит? — смеялся Дмитрий. — Нам нужна не просто женщина, нам нужна супер женщина-сыщик. Наши мужские непрофессиональные головы буксуют. А она имеет опыт слежки за многочисленными мужьями и их разоблачения! Тем более это отличный способ встретиться со старой знакомой. Угадай, о ком я?

— Боюсь даже думать в этом направлении.

— Не бойся, я именно о ней.

— Нет уж, я не выдержу в обществе этой "Леди Совершенства" больше пятнадцати минут.

— У нее больше и не будет. Ты же знаешь, как она жутко занята.

Стефан приводил еще какие-то доводы...

Но было поздно — Дмитрий уже набирал номер Елены.

Их совместный ужин был вопросом недалекого будущего, и оно, как всякое будущее, не замедлило настать.

* **BBVA**, выросший из Banco de Bilbao, основанного на купле-продаже бакалао (сушеной трески)

Стихия Огня

— *Красным Цветком Багира называл* огонь.***

— *Без огня и жизнь не та!*

Елена смотрела в огонь камина. Она разжигала его в любое время года и не для того, чтобы согреться. А чтобы, глядя на пламенные танцы его языков, напитаться силой, очиститься и познать себя.

- Огонь согревает, но и обжигает. А может и сожрать целиком. Но это только для неосторожных — думала она. - Огонь требует заботы. Он как вдохновение, он как цветок. Его надо все время кормить и питать, как младенца, иначе он может потухнуть. Он как деньги! С ним надо знать меру.

Елена не боялась огня. Это была ее стихия. Она знала, как с ним обращаться.

Она любила предавать огню свои планы мечты и обиды. Чудесно, что можно все написать на бумаге. «Письмо не краснеет», особенно если его сжечь. На миг оно станет ослепительно красным, а потом — пеплом, а потом — превратится в ничто.

Гори, письмо любви.

Готов я; ничему душа моя не внемлет.

Уж пламя жадное листы твои приемлет

Минуту!.. вспыхнули! пылают — легкий дым,

Виясь, теряется с молением моим.***

«А говорят — рукописи не горят... Еще как горят!» — весело подумала Елена и швырнула исписанный листок языкам пламени.

Изящная, в красном платье, с каскадом струящихся ниже плеч золотых волос и миндалевидными черными глазами, как будто прожигающими насквозь всех, кто с ними встречался и обрекающими на вечное рабство их обладательнице. Именно глаза были главным оружием Елены. Они отражали всю свободу и силу ее непокорной души.

Елена была уникальной.

Такой она была с самого детства, когда ее еще ребенком знали наши друзья. Всего лучше всех училась, самая красивая в классе, она солировала и зажигала на сцене... Но потом, как бы страшась ее блеска, оба друга отстранились. Множество поклонников окружало ее с тех пор. Но она всегда скучала по той детской дружбе, которую оставила в юности, дружбе, прерванной из-за глупого недоразумения.

Елена в вечер их встречи превзошла сама себя — быстро подкатила на красном BMW, составила план действий и, понасмехавшись над ними вдоволь, укатила.

Согласно плану, Стефан идет в гости к самому профессору, то есть в дурдом, так как «из твоей организации, Степа, туда проще попасть». А потом они все вместе едут на море по мосту — «пока не разбомбили» и говорят с Полиной номер два.

Не то чтобы Елене очень было интересно «расследовать»

это дело. Просто она хотела повидать старых друзей. Повод был прекрасный. Денег у нее было много, времени в сутках никогда не хватало, а еще было много опыта, чутья и любопытства.

Елена у любого вызывала комплекс неполноценности. Она была успешна в карьере, успешно вышла замуж, еще более успешно развелась с каждым из своих мужей, а в целом была подобна птице, свободной и не знающей ни заботы, ни труда.

Пока птица-Елена рассекала клетки светских мероприятий, Стефан направился в дурдом на реке.

После вмешательства Елены встреча легко состоялась.

Как оказалось, пришел он туда, чтобы познакомиться с древне-греческим царем Лаем — отцом Эдипа.

Древний царь очень обрадовался приходу священника и даже пожелал исповедоваться. Он каялся в попытке убить своего сына еще до его рождения, в блуде с сыном и доведении его до самоубийства, в добровольном изгнании из царства и много еще чем античном. Стефан был в замешательстве, так как «царь» настаивал на отпущении грехов, но грехи его были явно «литературными», а отпускать грехи персонажам языческих трагедий он не чувствовал себя в праве.

Ситуация упростилась тем, что «языческий царь», что логично, не был крещен. Поэтому таинство автоматически переходило в ранг беседы.

Но Стефан все же решил хранить тайну этой «исповеди»

и не рассказывать о ней друзьям, несмотря на всю ее абсурдность.

Ничего по делу Стефан, к сожалению, так и не узнал. Не удалось даже достучаться до сознания самого Петра Февральского. Священник ушел с четким намерением вернуться еще.

В дороге испытание античностью продолжилось.

**В оригинальном тексте Вахеера — персрнаж мужского рода.*

*** Редьярд Киплинг «Маугли»*

**** А.С. Пушкин, «Сожженное письмо».*

Отцы и дети

Или предатели?

Трое друзей прилетели на самолете и теперь мчались по новым, пока еще, как шелк, гладким дорогам на северо-восток.

С Еленой было нескучно. Она экзаменовала своих спутников:

— А вы знаете, сколько языков знал царь Митридат Евпатор? Да вы вообще знаете, кто он такой? Как нет? Мы же едем в столицу его древнего царства! Все равно нет? Он был великим завоевателем и злейшим врагом Рима. Подумайте только — у нас тут под боком! А еще у него был золотой конь в натуральную величину. Все экстрасенсы его ищут.

— Может, ты подключишься, у тебя же чуйка? — предложил Дмитрий.

— Я с таким старьем не работаю — запахи выветрились. Лучше экстрасенсы.

— Мы отвлеклись от языков, — Стефан активно не поддерживал тему про экстрасенсов.

— Ах да, — продолжила Елена культпросвет, — с каждым покоренным народом он говорил на его языке — итого двадцать два языка! Не слабо?

— Больше, чем ты.

— Куда уж мне с Митридатом тягаться, признаю его превосходство. Но только его — не мужчин, ваше, например, не признаю.

— Приплыли. Нас теперь публично унижают, — шутя возмутился Дмитрий.

— Шовинист, — отозвалась Елена. — Хотя, что с вас взять?! Вы даже яды не пьете.

— А ты, можно подумать, пьешь? — он вопросительно вскинул бровь.

— У меня своего хватает. А Митридат пил. Он приучал себя к ядам всю жизнь, чтобы не быть отравленным врагами и в первую очередь матерью, из-за которой он и начал столь странное хобби. А когда врагом оказался сын и предал его, он захотел отравиться, но не смог. Ни один яд не действовал.

— Бедный — и как же он вышел из затруднительного положения?

— Пришлось заколоть себя на вершине вон той горы, носящей до сих пор его имя. И отметил перед смертью, что все яды он предусмотрел, только яда предательства — не учел.

— А сын стал мирно царствовать?

— Сын стал бездарностью. Стал декорацией для чужого триумфа. Это про победу над Фарнаком Юлий Цезарь сказал своё знаменитое:

«Пришел. Увидел. Победил».

Конечно, Фарнак Митридату и в подметки не годился. —

Елена явно не на шутку погрузилась в хитросплетения античного мира. — А еще «Митридат» — это легендарный состав, будораживший умы алхимиков не меньше философского камня. Эликсир здоровья и долголетия из кучи ядов...

Она помолчала немного. И улыбнулась своей мысли.

— Кстати, и из ядовитых воспоминаний можно тоже составить волшебный эликсир, - при этих словах она так хитро подмигнула Стефану, что ему стало совершенно не по себе.

Тем временем они незаметно доехали по гладкой стреле новой дороги до той самой древней столицы, в которой жила Полина.

Смелость

— Смелость города берет.

— А трусость сдает?

Перед ними предстала девушка с длинными, цвета воронова крыла волосами, которые, как покрывало, падали ниже ее тонкой талии. Глаза ее были не то зеленого, не то голубого цвета, такого цвета, каким бывает море после грозы или шторма.

Она была в белой юбке, легком топе и явно наслаждалась утренним солнцем и своей красотой, так хорошо с ним сочетавшейся. Кожа, чуть тронутая загаром, излучала здоровье, и была она какого-то необыкновенного оливкового оттенка. Казалось, что она светилась изнутри. На мгновение Дмитрию показалось, что это просвечивает ее душа, светлая и легкая, но он быстро опомнился и, приняв саркастический вид, попытался выглядеть так, как будто и вовсе ее не рассматривает...

Волосы у нее были еще чуть мокрыми, косметики не было, что вполне понятно ранним утром после купания.

Но, Бог мой, какой свежей и солнечной она выглядела, как будто в ее жилах текла кровь богов, растворенная с солнцем. Ему тут же стало не по себе от собственного рыхлого тела «цвета аспирина».

Почему-то на ум пришел Кант и сказал вполне внятно: «Каждый должен иметь смелость пользоваться не только своим умом, но и своей красотой».

«Смелость — что это вообще такое? И откуда она берется? Может быть, ее отсутствие — причина моих неудач?» — мелькнула быстрая, как стрела, мысль. Но Дмитрий прогнал ее прочь. И начал ехидно представлять, как он начал бы смело пользоваться красотой своего «аспиринового» тела, сотрясая каждой его складкой в такт ходьбе.

«Подзаплыл ты, дружок, за время депрессии. Спасибо, Полина, удружила!» — сказал он сам себе.

Он остро ощутил свое несовершенство. «Да, чтобы пользоваться красотой, для этого так же, как и над умом, надо поработать. А лучше делать это всю жизнь, как, вероятно, делала она. Просто сделать это образом жизни. Приступлю сегодня же!» — решил он.

Дмитрий был хорош собой, красив от природы, он нравился женщинам и знал это, но за последнее время сильно сдал.

Девушка тем временем проскользнула мимо. Именно проскользнула. Настолько плавными и гибкими были ее движения. Такие бывают либо у танцовщиц, либо врожденным подарком судьбы, заключающемся в способности чувствовать свое тело в каждом шаге и владеть им полностью, а не отдельно ногами, отдельно руками, отдельно головой.

"Наверное, и мозгом они владеют совершенно иначе, -

развивал Дмитрий мысль в совсем саркастическом ключе, – и думают совершенно иначе, и говорят иначе целостно... Интересно, слышна ли душа в ее голосе?"

Елена опомнилась первой. Она окликнула девушку, не дав ей уйти. Полина удивилась, но согласилась на встречу.

Елена разговаривала — куда ж без нее. Короткий разговор, обаяние Елены — и вот встреча уже назначена. После чего вся троица поехала на море — перебирать пальцами золотой песок и слушать плеск синих волн. Елена и тут поразила знанием античного мира.

Матери и дети

— Или убийцы?

— Просто гены пальцем не раздавишь.

— Ааа...яблоко от яблони...

— А вы знали, что мать Нерона была ныряльщицей за губками? Что такое Нерон вообще знаете? — засмеялась она, сделав страшное лицо.

— Да, он устраивал гонения на христиан, — нашелся Стефан.

— Уже неплохо, — провозгласила Елена. — А так же и на мать. Матери Нерона предсказали, — продолжила она с пафосом, — что ее сын будет императором, но убьет ее.

— И что же она?

— Она сказала: «Пусть меня убьет, лишь бы правил».

— Сбылось предсказание?

— Еще бы. У них вообще с этим делом все четко было.

Не то что наши — коня золотого отыскать не могут, — засмеялась Елена. — Взойдя на трон, Нерон пытался ее прикончить самыми разными способами — например, отравить,

обрушить потолок ее комнаты, осыпав предварительно розами, наконец, совсем отчаявшись, отправил ее на корабле, а корабль затопил. Погибли все, кроме нее, — она же была ныряльщицей за губками, пока была в ссылке по милости своего брата Калигулы.

— Так что с наследственностью у него все было печально изначально, — вставил Дмитрий.

— Наконец, Нерон открыто подослал к ней убийц. А она, поняв все, попросила заколоть ее в живот, откуда появился неблагодарный сын. Так что Нерон губил не только твоих христиан, Степа, но и мать родную не жалел. Не жалуйся.

— Страшное дело — власть, одни из-за нее губят сыновей. А другие готовы отдавать жизнь, — только и мог ответить он.

— Да, власть и деньги — наркотик похлеще героина, — подытожил Дмитрий.

— Ты, Дима, не сильно осуждай. Нерон, вообще-то — поэт, написал поэму о гибели Трои, гитарист и твоя родственная душа.

— Это еще с чего?

— Не тебе одному мертвецы снятся. По легенде, всю оставшуюся жизнь к Нерону во сне приходила убитая им мать.

Красиво летят

— Кто, птицы?

— Нет, деньги.

Вечером на набережной, окутанной ночной прохладой и пеленами брызг, их уже ждала Аполлинурия Паломина.

Она пришла чуть заранее, немного смущенная, но необыкновенно привлекательная в простом белом платье на загорелом теле.

Она коротко ответила, что сестер у нее не было. Подруг с таким именем, подходящих под описание, тоже нет. Был еще брат, но это слишком личное... Мать умерла совсем рано, а она жила с бабушкой-актрисой. Которая начинала карьеру в этом городе и встретила свою любовь...

– Кстати, начинали они вместе с Фаиной Раневской, и именно отсюда родом ее псевдоним — Раневская. – Полина оживилась, говоря о любимой бабушке и любимом городе. – Когда молодая Фаина сбежала из богатой еврейской семьи ради любви к театру, то мать тайно от отца высылала ей деньги. Так как театральная деятельность на заре ее карьеры не задалась и была не сильно удачной и прибыльной. Фаина верила в свою счастливую звезду, хоть и голодала. И вот, получив заветные деньги, она вышла на улицу, держа их в

руках, а налетевший порыв ветра вырвал купюры прямо из рук и унес. — Красиво летят, — только и произнесла она им вслед.

Присутствовавший при этом коллега тут же наградил ее бессмертным псевдонимом. — Да Вы настоящая Раневская, только она и могла так поступить!

Незаметно все четверо разговорились. Друзья рассказали о себе и о той истории, которая привела их в морской город и к Полине.

Они рассказали историю своей дружбы, историю убитой Аполлинаруии и спросили, откуда у Полины такая редкая фамилия.

— Да, действительно редкая, — подтвердила Полина. — По семейной легенде она происходит от древнего имени Паламед.

Когда б не Паламед, мы жили вместе.
Но может быть и прав он: без меня
ты от страстей Эдиповых избавлен,
и сны твои, мой Телемак, безгрешны.*

*Иосиф Бродский «Одиссей Телемаку»

У каждого своя Итака

— И свой Паламед.

— Давным-давно еще во времена Троянской войны на греческом полуострове Пелопоннес, том, который трезубцем вонзается в синеву Средиземноморья, жил юный царевич Паламед. Его отец Навплий был внуком Посейдона и Аргосской царевны, он построил напротив древнего Аргоса великолепный город и назвал его своим именем — Навплион. А именем Паламеда названа крепость рядом с этим чарующим, утопающим в цветах бугенвиллии городом.

Паламед — это легендарный изобретатель букв, цифр и игры в кости, которые он посвятил богине удачи Тихи. Но к своему несчастью, он оказался хитрее Одиссея, — начала Полина с горящими глазами. Видно было, что эта история для нее не пустой звук. — Он хитростью заставил Одиссея принять участие в Троянской войне, положив ему под плуг новорожденного сына. Притворявшийся безумным Одиссей не смог перепахать сына с таким же успехом, как перепахивал все, что попадалось ему на пути. Так Одиссей, как бы ни хотелось ему остаться с молодой женой и новорожденным сыном на Итаке, был вынужден ехать на войну, сражаться за чужую жену под Троей, ведь его мнимое сумасшествие было разоблачено еще более хитроумным Паламедом.

Этого он никогда не забыл, не простил и жестоко отомстил.

— А почему он вообще должен был ехать? Тем более из-за чужой жены?.. — не выдержал возмущенный Дмитрий.

— Потому что пал жертвой своего собственного хитроумия, — ответила Полина коротко, но чуть туманно.

— А поподробней? — Дмитрий игриво поднял бровь над черным глазом.

— А вы выдержите подробности? — усомнилась Полина.

— Обижаете, Полина. Раз мы Лену выдерживаем... — настаивал Дмитрий.

— Да-да, Полина, мы тренированные, — поспешил заверить ее Стефан.

— Елена Прекрасная, из-за которой разразилась Троянская война, была дочерью царя Спарты и Леды, — начала Полина свой рассказ. — Слышали, наверное, про Леду и лебедя? Так вот лебедем был, конечно же, не кто иной, как Зевс. И на самом деле была она дочерью Громовержца.

— То он — бык, то — золотой дождь, то — лебедь! Ну надо же, какая фантазия! — по своему обыкновению ехидно восхитился Дмитрий. — Вот это мужчина хоть куда!

— Конечно, от жены скрываться — и не таким фантазером заделаешься. Учитесь, мальчики, — ввернула Елена. — И жена не в курсе, и приключение, и интрига.

— Леда после такой интриги снесла несколько яиц, — продолжила Полина, — из них вылупились Прекрасная Еле-

на и Клитемнестра, а так же близнецы Диоскуры.

— Пряма так, из яиц? — недоверчиво осведомился Стефан.

— Да, — улыбнулась Полина своей загадочной улыбкой, — и заметьте — близнецы. Так древние греки объясняли появление близнецов — вмешательством в зачатие божества. Заметьте, Геракл тоже был близнецом. Диоскуры — знаменитые Кастор и Полидевк, братья Елены, — тоже. По поводу своего вылупления из яиц носили шапки в виде яичных скорлупок — пилосы.

— Невероятно стильно!

— И сильно! Эти скорлупки вошли в историю, — продолжила увлекшаяся Полина. — Они были изображены даже на местной античной монете. Я нашла одну такую после дождя, когда гуляла по степи.

— Невероятно, вот просто так, в чистом поле? — удивился Стефан.

— В степи, — поправил его Дмитрий.

— Да, вы не представляете, как интересно жить на земле, пропитанной историей! Когда понимаешь, что под тобой несколько культурных слоев. А возможно, прямо сейчас в этом месте, в земле скрываются еще несметные сокровища и неразгаданные тайны. Это ощущение с детства меня будоражило.

— Да, ощущаешь себя просто вишенкой на слоеном пироге истории, — блеснул белоснежной улыбкой Дмитрий.

Лена и Стефан переглянулись.

Дмитрий проявлял знаки внимания и явно старался понравиться очаровательной Полине. Хороший знак! Лена решила поддержать беседу в этом же русле.

Лебединая песня

И вот пернатых царь
из-под склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
К красавице плывет
— веселья полна грудь.*

— Полина, расскажите, пожалуйста, про монету! — попросила она.

— На одной стороне — две скорлупки-шапки и две звезды, на другой — надпись ПАНТ в честь Пантикапея.

— А возраст?

— Второй век до нашей эры.

— То есть монете больше двух тысяч лет?

— Да, — как ни в чем не бывало ответила Полина. — Давайте я покажу саму монету и фотографию места, где ее нашла. Вам интересно? — Она окинула взглядом своих зеленых глаз всех присутствующих.

— Конечно! — все дружно склонились над ее телефоном.

— Это же местная монета — встрепенулся Стефан.

— А при чем здесь вообще Диоскуры? Тут же не древняя Спарта была, я надеюсь. А то я уже запутался и начал сомневаться в своих умственных способностях и географических

тоже, — запереживал он.

— Нет, конечно. Они изображены, так как были покровителями путешественников. В античности их именами часто называли корабли.

— Точно на «Диоскурах» плывал и апостол Павел, — сопоставил Стефан.

— Как будто я уже где-то видела эти шапки со звездами, — наморщила прекрасный лоб Елена в попытке вспомнить. — На гербе каком-то. Зрительная память меня никогда не подводит.

— Правильно. На гербе. На гербе Сухума в Абхазии, бывшей Диоскурии, — пришла на помощь Полина. — Я прочитала про них все, когда нашла монету, — улыбнулась она.

— Точно, — улыбнулась ей в ответ Елена.

— Со скорлупой понятно, а почему звезды? — проявлял внезапно проснувшийся интерес к древностям Дмитрий.

— Есть три версии. Первая. Братья совершили много подвигов, участвовали в плавании Аргонавтов, а когда корабль «Арго» попал в шторм, то Орфей начал петь, на головы Диоскурам опустились две звезды, и шторм утих.

— Красивая версия. Очень правдоподобная, — процедил сквозь зубы Дмитрий, — А вторая?

— Еще правдоподобней, — улыбнулась Полина. — Казусы древнегреческой генетики заключались в том, что у близнецов были разные отцы — один брат был от Зевса, а второй от царя Спарты, законного супруга Леды. Так часто бывало

со многими близнецами. Один — от бога, второй — от папы. И соответственно, у Диоскуров один был смертен, а второй — нет. Оба были героями. Но, когда раненый Кастор стал умирать, его бессмертный брат взмолился о том, чтоб ему не оставаться одному на земле. Зевс, вняв мольбам сына, вознес его на Олимп, но и на Олимпе Полидевку было одиноко без любимого брата. Тогда Зевс устроил так, что половину суток один брат проводит в Аиде, а вторую на Олимпе — таким образом они встречались. Они — олицетворения утренней звезды и звезды вечерней.

— Да, нечего сказать. А третья версия?

— А третья версия говорит о том, что они стали созвездием близнецов.

— Так это же про нас, Степа! Мы же оба родились под знаком близнецов!

— Дима! — гороскопы были большой темой для Стефана.

— Вы — близнецы, а я — Елена, — весело добавила их подруга, — мы с вами — замечательная троица. Клитемнестры только не хватает.

— Просто легендарная! А что там с Одиссеем? — перевел Стефан тему подальше от гороскопов. Как мы помним, некоторые темы он принципиально не поддерживал. Астрология входила в их число.

— Ах да. Елена была настолько прекрасна, что все герои Эллады хотели на ней жениться. Проблематично, согласитесь.

Сначала ее похитил Тесей, убивший Минотавра, и увез в Афины. Но братья, Кастор и Полидевк, освободили ее и вернули домой, в Спарту.

Тут началось бесконечное сватовство разнообразных героев, жаждавших ее руки. Ее земной отец находился в весьма затруднительном положении — выбрав одного, он обидит остальных, а они, само собой, захотят мстить за оскорбление.

Тогда-то и пришел на помощь Одиссей — тоже жених Елены — со своим советом связать всех единой клятвой. Клятвой отказа от мести и военной помощи будущему мужу в случае бесчестья.

— Заключили пакт о ненападении и взаимопомощи, — подытожила Елена.

— Одиссей, наверное, уже сам губу раскатывал и на Елену, такой замечательный пакт придумал, — подал голос Дмитрий.

— Рассчитывал, видимо, что такой мудрый зять, разумеется, пригодится Спарте, — сразу просчитала выгоду Елена.

— Наверное, да. Но Елена выбрала не Одиссея, а Менелая, а затем Париса, бежав с ним из Спарты в Трою.

— Не Елена, а джекпот какой-то, — прокомментировал Дмитрий. — То одному повезет, то другому. — Стоп, откуда взялся Парис? — не поспевал Дмитрий.

— Парис был троянским царевичем, сыном Приама. Но было предсказано, что из-за новорожденного погибнет весь город. Троя только оправилась после разгрома Гераклом,

рисковать они не могли и не хотели — младенца отнесли подальше в горы, бросив там.

— От греха подальше, — съехидничал Дмитрий. — Тоже мне выход! Разбрасывать младенцев по горам! — возмутился он.

— Довольно частый выход. Так поступили с Эдипом. Да и с Моисеем тоже, — внезапно выдал Стефан.

— Ого, ты теперь у нас тоже эксперт?

— Да, познакомился в силу обстоятельств с Эдипом. А про Моисея — Сам Бог велел — скромно сказал Стефан.

— Эдипа подобрали пастухи и отдали правителю Коринфа, а тот, не имея детей, его усыновил.

— Париса тоже подобрали пастухи. Он спокойно пас овец. Но в это время случилась свадьба родителей Ахилла. На которой пировали все боги, кроме богини раздора, которую не пригласили.

— Что логично.

— И вполне логично, что, обидевшись, она им устроила такой раздор, о котором помнят все много столетий спустя.

— Можно рецептик, на всякий случай?

— Кому ты планируешь портить свадьбу, дорогой? — осведомилась, хитро улыбаясь, Елена. — Я в эти сети больше ни ногой. Степе — нельзя. Сам понимаешь. Себе, что ли? — подмигнула Лена с довольной ухмылкой.

— Надо быть готовым ко всему! — Дмитрий встал на колени и артистично прижал руку к сердцу: — Рецепт, умоляю!

— Всего одно золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей», и три богини-перфекционистки — Гера, Афина и Афродита, — блеснула эрудицией Елена, не умевшая оставаться в тени.

— Красота — страшная сила. Но спасает ли она мир? Что было дальше, Полина? — Дмитрий переключил внимание обратно на Полину.

— Разгорелся спор, Зевс отказался выступать судьей в импровизированном конкурсе красоты, зная, чем чреваты последствия. И крайним оказался прекрасный пастушок Парис. Сначала он тоже отказывался принять решение.

— Само собой!

— Но в ход пошел древнейший механизм решения вопросов — подкуп. От предложения стать царем он отказался, величайшим героем — тоже, а вот от любви самой красивой женщины на земле — не смог. Дальше все пошло как по нотам. Афродита получила свое яблоко.

Остальные богини, понятное дело, оскорбились. Механизм уже был запущен. Царица Трои вдруг затосковала по своему загубленному младенцу, чтобы ее утешить, отец — царь Приам — устроил погребальные игры в его честь, наградой в которых был великолепный бык. А быка привел в Трою пастушок Парис. Он же игры и выиграл, превзойдя всех в силе, ловкости и красоте. Сначала его чуть не убили за такие достижения, но потом узнали и приняли. И вот уже троянским царевичем он отправился в Спарту за Еленой. И

привез ее в Трою.

— Получается, что на свадьбе родителей Ахилла завязалась война на которой Ахилл погиб? — блеснула знанием античности и аналитическими способностями Елена.

— Да. И мать, разумеется, пыталась его уберечь от судьбы, окуная в воды Стикса, по одной из легенд здесь у нас, — добавила Полина. — Это нужно было, чтобы сделать все его тело не уязвимым. Все, кроме Ахиллесовой пяты, за которую она держала младенца.

— Что значит «здесь у нас»? — не поняла Елена. — В царство Аида есть несколько ходов. Это значит, что один из входов в подземное царство располагался здесь. И река Стикс соответственно — тоже здесь.

Кстати, здесь был очень силен культ Ахилла, как загробного божества. А некоторые источники даже приписывают ему происхождение из местного города Мирмекий. Ведь он был царем мирмидонцев — муравьев, тоже, кстати, загробных, существ. И по одной из версий после смерти он тоже стал мужем той самой Елены на не безызвестном острове Змеином.

— Не будем про политику, — сразу подрезала росток разговора Елена.

— Страшась пророчества, но решив спорить с судьбой, мать, даже сделав его неуязвимым, не успокоилась и спрятала подальше от всех на греческом острове Скирос среди дочерей царя.

— Вот это поворот!

— Ахиллес был хорош собой — голубоглазый, светлово-
лосый, а когда носил женское платье, его было не отличить
от царевен.

— Тоже мне великий герой! Прятаться за девушками!

— Но пророчество гласило — без него не взять Трои. И
вот Одиссей, принужденный Паламедом к участию и знав-
ший пророчество — без Ахилла не победить, оказался перед
проблемой: где Ахилл — не понятно.

Он отправился на его поиски. Прибыв на остров Скирос,
он изобрел очередную хитрость — разложил перед дочерьми
царя богатые подарки — среди которых были щит и меч. А
затем инсценировал чрезвычайную ситуацию — нападение и
пожар. Та царевна, которая бросилась к оружию, а не бежать
— и была Ахиллесом.

Разоблаченный, он с радостью примкнул к рядам геро-
ев-завоевателей, признавшись, что ему жуть как надоело хо-
дить в женском платье. Так постепенно собиралось войско.

Женихи, связанные клятвой, кто добровольно, а кто нет,
составили основу войска, пришедшего под Трои и стоявшего
там десять лет.

Сам Одиссей попал домой, на свою скалистую и волно-
объятную Итаку только лет двадцать спустя, так как еще де-
сять лет его носило по морям и островам. А вернувшись, он
нашел свой дом полным женихов, разоряющих его имение и
сватающихся к его жене.

— Вот это симметрия! — восхищенно воскликнула Лена.
— Никогда об этом не думала. А ведь правда, глобально история началась с клятвы женихов Елены в начале и закончилась «истреблением» женихов Пенелопы в конце.

Мужчины переглянулись. Они тоже наблюдали явную симметрию. Два любителя античности на два квадратных метра. Не слишком ли много на одну маленькую компанию?

— Так, — закончила Полина, — Одиссей стал заложником собственного хитроумия, ярмо которого он попробовал перекопать плугом безумия, но наш предок Паламед не дал ему этого сделать, найдя его самую слабую точку — сына. И нашел свою смерть. С тех пор Одиссей возненавидел Паламеда всей душой. Он не успокоился, пока не отомстил ему, добившись смерти врага клеветой и подлогом. Такова история нашего далекого предка, - закончила Полина рассказ.

Все вчетвером они прекрасно провели время, посетили древний Мирмекий, покатались на яхте, посетили цепочку затерянных бухт с золотым песком и грязевыми озерами, побродили по извилистым улочкам старого города и набережной.

Посещение склепа Деметры, каменоломен и всего подземного царства оставили на потом. Времени было мало, да и настроение было исключительно радостным.

Было удивительно, как еще недавно чужие люди могли так говорить обо всем и быть на одной волне остроумия и ин-

теллекта.

Надо признать, Полина привнесла ни с чем не сравнимую свежесть и легкость в их язвительно-остроумную компанию.

*А. С. Пушкин «Леда»

Брат

— Сплетнями земля полнится.

— Знаю точно, что для сплетниц кресло сплетено в аду.*

Они пришли попрощаться с Полиной перед отъездом.

После великолепной прогулки на яхте, которую совершили все вчетвером, они сблизилась еще больше.

Синева моря, белизна яхты, чайки и дельфины за бортом — что может быть прекрасней! Они уже попрощались, но друзья решили зайти к Полине перед отъездом еще раз, и задать ей еще несколько вопросов.

И снова Полины не было дома. Она явно не была домохозяйкой, телефон ее не отвечал. А старушки у подъезда уже информировали гостей.

— Хорошая она, Полина, только несчастная, — повествовала бабушка на скамейке.

— Сначала мать померла — сиротой осталась Полюшка наша, потом брат взялся незнамо откуда. Приехал и не такой он был какой-то, ну это...

— Странный какой-то, красивый больно, — осмелилась бабушка, сидевшая все время рядом и помалкивавшая с хитрым видом.

— А потом он с собой покончил, — встрепенула уже заскукавших было слушателей первая старушка.

— А Полина, как убивалась. Говорила: «Пусть любой был бы — главное, чтоб живой».

Так трагический секрет Полины внезапно перестал быть для них тайной. Друзья переглянулись и, не сговариваясь, решили не дожидаться Полины.

Всем как-то сразу стало неприятно от невольно подслушанной ее тайны.

*Поэзия трубадуров

Окна

— Или Windows?

Полина осталась в недоумении.

Гости из Москвы были людьми из другой культурной плоскости — той самой, где когда-то вращался её брат.

Они принесли с собой запах больших городов, дорогих духов, сложных драм, от которых она так старалась отгородиться своим хрустальным миром.

Ритмично вышагивая по утреннему тротуару, она погружалась в мысли, которые обычно гнала прочь. Ритм шагов, как маятник часов, отбивал ход времени.

- Что, если бы их не разлучили? – думала она про брата. – Если бы мама осталась жива? Сложилась бы их судьбы иначе? Ведь в итоге они получились такими разными. Говорят, вся разница между людьми в том, кого сколько любили. Интересно, кого из них любили больше? Его любили многие, хотя больше, конечно же, ненавидели. Можно ли ненависть считать формой любви?

От ненависти до любви — один шаг? Ненависть и любовь — эмоции равные по силе? Любила ли она брата? Кого вообще любила она? А кого любил он? Был ли он счастливее на пике своей известности в крупном мегаполисе, чем она, живущая у моря в своем прибрежном городке? Да, многие

его ненавидели, а он, пожалуй, — лишь только профессора, подчеркнуто вежливого, убедительного. И еще один вопрос назойливый и больной, точно ночной комар.

И спать не дает, и не отмахнешься: Почему люди уходят сами? Кто-то от отчаяния, кто-то от безысходности, но смерть брата была явным манифестом. Окном.

Может, любое самоубийство — манифест? Даже от безысходности.

Полина ни на секунду не сомневалась, что именно профессору в первую очередь адресовалось это страшное письмо смерти. А потом уже СМИ и будущим поколениям. Он считал, что убивает себя ради будущего, ради счастья и свободы других людей, ради любви, в конце концов. Убивает, пока молодой, пока красивый и пока его смерть будет достаточным резонансом, чтобы приоткрыть это пресловутое окно Овертона и заставить замолчать своего талантливое врага. И это ему удалось.

Резонанс был чудовищный. Своей смертью он выбил раму в пресловутом «Окне Овертона». Профессор навсегда перестал высказываться в публичном поле.

Но стоило ли оно того? Окно Овертона. А куда, собственно, ведут эти окна? В другой мир? Другую реальность, другое время?

То есть это не окна, а дороги? А хочется ли ей туда? И хочется ли ей вообще куда-то из ее хрустального мира с морем, солнцем и запахами трав?

Возвращаясь назад после купания, Полина продолжала думать о любви и о брате. Привычный ритуал сегодня не принес ожидаемого облегчения.

В голове роились назойливые вопросы. Новые: Кто эти люди? Настолько правдива, рассказанная ими история? Почему они вышли именно на нее? Она вспомнила лицо Дмитрия при первой встрече, его четкие черты, искажившиеся при первом взгляде на нее. И привычные вопросы традиционно роились в голове:

«Зачем Артём так поступил? Какая глупая причина то, что профессор был более убедителен в словесных поединках, чем он. У профессора было больше единомышленников, что совершенно естественно.

Там, где он вырос, было иначе. Ну нельзя же в чужой монастырь со своим уставом! Здесь у нас и елки вместо пальм растут. Нельзя же пальмы на мороз сажать! Как он не мог этого понять!

Или мог? ... поэтому так и поступил?

"Любовью" своей хотел растопить наш климат, что ли?»

Полина даже фыркнула от такой мысли. И продолжила свои назойливые рефлексии:

«Нет больше той любви, когда кто-то «положит жизнь свою за други своя». История изобилует примерами такой любви. Бросить себя на амбразуру. Заткнуть собой брешь в тонущем корабле.

Хотя... брат скорее был топором, рубящим брешь в кораб-

ле порядка вещей. ...

Убил ли он себя ради людей — или все-таки ради того, чтобы окончательно и бесповоротно "победить" профессора в их споре?

Получается, он любил своего врага больше всех, раз отдал ему свою жизнь в качестве последнего аргумента?

Если убивать себя и других ради убеждений - это любовь, то можно и атомную бомбу взорвать из чистого милосердия. Чтобы спасти заблудших... напугав их до смерти».

Полина посмотрела на море.

Оно было вечным и безразличным к окнам, которые люди прорубали в своих душах.

Assassin's creed

- Кредо ассасина.
- То есть его "символ веры?".
- Скорее, райский сад, из которого нет возврата.
- Или коммунизм на закате средневековья.

Давным-давно была секта ассасинов, державшая в страхе всю Европу. Так как их повелитель обладал несокрушимой армией самоубийц.

"В каком там веке они были? – задумалась Полина, – Тогда же, когда и крестовые походы, примерно, то есть в одиннадцатом или двенадцатом."

Он создал жесточайшую иерархическую структуру, начиная с унижения желающих вступить в "орден", и со ступенями постепенного их роста.

Новых последователей находили, вытаскивая их из нищеты улиц. Дав им опиума, переносили в «райский сад» гарема.

"По сути происходила фальсификация воспоминаний, гениальный психологический ход, - подумала Полина. – Этот личный опыт являлся непреложным доказательством существования "рая" и гурий, доступных только праведникам."

Потом таким же «чудесным образом» избранные переносились обратно в грязь, но уже с настолько форматированным сознанием, что не могли мечтать ни о чем, кроме воз-

вращения в райскую обитель в объятиях прекрасных дев, утешающих "праведников".

Путь, как быстро и гарантированно стать праведником, указывал «Старец горы» Ибн ас-Саббах.

"Надо всего лишь принести себя в жертву высшим целям, под его чутким руководством, разумеется." – Мысль об ас-сасинах захватила Полину.

«Не так ли происходит с шоу-бизнесом, системой, где есть свои «имамы» – продюсеры, кураторы смыслов и своя «вербовка» – контракты, создание имиджа?» – грустно подумала она о брате. «Неужели люди так же бездумно готовы умирать и за этот цифровой рай?»

Она открыла Википедию, чтобы прочитать подробности: «Ибн ас-Саббах установил в Аламуте для всех без исключения суровый образ жизни. За малейшее отступление грозила смертная казнь. Он наложил строжайший запрет на любое проявление роскоши. Ограничения касались всего: пиров, охоты, внутреннего убранства домов, дорогих нарядов. Суть сводилась к тому, что в богатстве терялся всякий смысл."

«Зачем оно нужно, если его нельзя использовать?» – Полина невольно усмехнулась железной логике аргумента. – «И правда, зачем богатство, если оно под запретом?»

«На первых этапах существования Аламутского государства ибн ас-Саббаху удалось создать нечто, похожее на средневековую утопию. Он фактически свел на нет разницу меж-

ду низшими и высшими слоями общества. По мнению некоторых историков, государство исмаилитов-низаритов сильно напоминало коммуну, с той разницей, что власть в ней принадлежала не общему совету вольных тружеников, а авторитарному духовному лидеру-вождю».

Полине становилось всё интереснее, – "Выходит, этот человек опередил своё время, пусть и столь извращённым образом".

«Сам ибн Саббах подавал своим приближенным личный пример, до конца своих дней ведя чрезвычайно аскетичный образ жизни. В своих решениях он был последователен и, если требовалось, бессердечно жесток. Он приказал казнить одного из своих сыновей лишь по подозрению в нарушении им установленных законов».

«Вот это да! И родного сына не пожалел... Скорее всего, он был у него не единственный, но тем не менее... Мог бы закрыть глаза. Мог бы и закон подправить», — она представила себе современных чиновников, вынужденных отказываться от роскоши и жертвовать сыновьями — как быстро поредели бы их ряды! Мысленно раздавив зашевелившегося червя злорадства, Полина продолжила чтение.

«Объявив о создании государства, ибн Саббах отменил налоги, а вместо них приказал жителям Аламута строить дороги, рыть каналы и возводить неприступные крепости».

«А что, неплохая идея, — весело подумала Полина. — Что построили — по тому и ездим. Никаких обвинений в

коррупции, полная личная ответственность. Мудрец, однако!»

«По всему миру его агенты-проповедники скупали редкие книги и манускрипты, содержавшие различные знания. Ибн Саббах приглашал или похищал в свою крепость лучших специалистов: от инженеров до медиков и алхимиков».

Полина снова восхитилась изяществом схемы: «Гениальная кадровая политика — никого не надо воспитывать или годами обучать. Всё элементарно: выбираешь лучших и похищаешь. Никаких лишних затрат: противника ослабил, себя — обогатил. Нет человека — нет проблемы, есть человек - есть бонус».

Градус иронии в голове Полины, зашкаливал, смешиваясь с подспудным ужасом и восхищением...

«Хашшашины смогли создать систему фортификаций, которая не имела себе равных, а концепция обороны вообще на несколько веков опередила свою эпоху. — Читала она в удивлении.

— «Ага, то есть он опередил свое время не только в социальном строительстве и кадровых вопросах. Почему же от его идеального государства, опередившего время, такое неприятное ощущение? И совсем не хочется туда переселиться».

Полина невольно улыбнулась, представив себя на машине времени случайно застрявшей в этом «социальном рае», и продолжила читать.

«Сидя в своей неприступной горной крепости, ибн Саббах отправлял убийц-смертников по всему миру. Он пришел к очень простому, но тем не менее гениальному выводу: можно выстроить весьма эффективную оборонительную доктрину государства, не затрачивая средства на содержание большой армии».

— «Экономия и простота во всем», — отметила Полина.

«Необходимо было создать свою спецслужбу, в задачи которой входило бы устрашение и показательное устранение тех, от кого зависело принятие важных политических решений; спецслужбу, которой ни высокие стены дворцов и замков, ни огромная армия, ни преданные телохранители не могли бы ничего противопоставить».

– Амбиции у него были "на высоте".

«Ибн Саббах сделал процесс вступления в орден очень сложным. Примерно из двухсот кандидатов к завершительной стадии отбора допускали максимум пять-десять человек. Перед тем, как кандидат попадал во внутреннюю часть замка, ему сообщалось о том, что после приобщения к тайному знанию обратного пути из ордена у него быть не может».

Много еще чего интересного открылось в этот вечер Полине, она читала про ассасинов захлеб, как «Сказку тысячи и одной ночи», начав которую, невозможно остановиться.

«Хашшашины одни из первых ввели понятие вербовка. Имам обожествлялся, его воля воспринималась как прояв-

ление божественного разума. Агенту внушалось, что он появился на свет лишь для выполнения своей великой миссии, перед которой меркнут все мирские соблазны и страхи.» – в ее сознании пронесли события этого масштабного "социального эксперимента" на заре средневековья. Она отложила планшет.

— Неужели всё это было в реальности? — прошептала она в тишину комнаты.

И тут же одёрнула себя:

— Да ладно «было». Это продолжается и сейчас. Тот же опиум иллюзий, та же вербовка смертников ради чужих идей. Разве шоу-бизнес — не такой же Аламут?

Свои кастинги, свой жесткий отсев, свои «имамы»-продюсеры и контракты, из которых нет обратного пути.

Разве её брат не стал таким же «фидаем» — слепым орудием, принесшим себя в жертву ради «великой миссии», которую вложил ему в голову невидимый Старец горы нового времени?

Неужели эта древняя тень коснулась и её жизни? Её хрустального мира, сотканного из морских брызг, пронизанных солнечным светом?

Идеальная пара

— Обuvi?

— Еще хуже.

Петр Февральский был заметной величиной в культурной жизни страны, да, пожалуй, и всего мира.

Он выступал с лекциями, его приветствовали и проводили овациями. Остроумие — лучшее оружие в покорении толпы, служило ему, великолепно отточенное и постоянно совершенствуемое.

Когда юная модель Аполинаррия Палома стала его женой, мир даже не удивился. Их карьеры только выиграли от этого союза.

Они были ослепительной парой и, несмотря на разницу в возрасте, казалось, были созданы друг друга. Полина сама проявила к нему интерес — он не стал бы унижать себя приставаниями к девушке, годившейся ему в дочери и настолько красивой, что вряд ли утруждала себя чтением текстов длиннее постов в соцсетях.

Но Полина оказалась незаурядной собеседницей. Начитанная, острая на язык — причем не только на русский — она почти без акцента говорила на нескольких языках.

Откуда в этой "картинке" такая глубина?

Она не просто удивила его — она его заинтриговала. Окончательно Пётр был сражен запиской, которую ему передали после одной из лекций:

«Если в один из трех дней Вы не будете у собора от 8–10 вечера, Вам угрожает тоска на всю жизнь без оправданий. Последние отклики еще не замерли, последняя мысль о любви еще жива в нетленности памяти — будьте у собора и не смущайтесь, встречаясь с сумраком непрестанной гармонии».

Он, знаток и ценитель русской литературы, безошибочно узнал записку Александра Блока к своей Прекрасной Даме, оценил изысканность шутки и не смог устоять. Пришел и пропал.

Так началась их дружба, стремительно переросшая в любовь. Им было хорошо вместе, их тянуло друг к другу, они чувствовали внутреннюю связь, которая с каждым днем все крепла. Им было не наговориться. Они вместе путешествовали, принимали гостей, ходили в музеи, в театры и просто гуляли по городу — они будто создавали свою собственную вселенную, закрытую для непосвященных.

"В какой момент по идеальному кристаллу пошла трещина?" — думал Стефан, — «Никто так и не смог понять, когда именно в их «непрестанной гармонии» прозвучала первая фальшивая нота. И что же всё-таки произошло?"

Большинство подозревало, что ревность.

Акварель

— Искусство — лекарство для души или душ для эмоций?

Полина поднялась на гору: ей хотелось рисовать.

Время от времени она устраивалась с альбомом на остатках античных колонн, на теплом песке у самой кромки прибоя или на выбеленной солнцем коряге в степи.

Сегодня была очередь колонн.

«Есть города, в самом сердце которых затаилась гора, — думала Полина. — Эдинбург, Афины с Акрополем... Наш город не исключение. Он раскинулся в бухте, в мягкой излучине моря, в луке морского седла. В Эдинбурге — седло Артура, а у нас здесь — Лукоморье. У лукоморья дуб зеленый...». Мысли текли неспешно, ее кисть выводила легкую акварель: бухту с гобеленом омывающих ее мелких волн. Их узор переплетался в тончайшую сетку, рожденную поверхностью воды. Здесь всё было прозрачно, почти по-японски: простота линий, чистота красок.

Полина вспомнила акварели Волошина — он тоже до самозабвения любил эту степь и это море. В акварели нет права на ошибку, нет места исправлениям. Можно только начать с чистого листа.

"Иногда так бывает и в жизни: лучше начать заново, чем

пытаться перекроить старое. Некоторые вещи такие, как любовь, принимают только полное обнуление. Пока не отпустишь прошлое, невозможно сделать шаг в будущее". — подумала она с каким-то новым для себя трепетом и сама испугалась своих мыслей.

«Аквадель пишется на одном дыхании, — продолжала Полина свои художественные изыскания. — Вот масло — совсем другое дело. С ним можно медлить, долго мечтать, созерцать, медитировать. Бывает, что одна картина пишется прямо поверх другой, и от этого новая становится еще глубже, содержательней. Под финальным слоем могут скрываться целые миры предыдущих сюжетов».

Она замерла, глядя на горизонт. Так и люди: кто-то ясен и прост, а кто-то прячется под тысячью наслоений. Попробуй доберись до самой сути, погребенной под временем, имиджем и навязанными образами.

«Если бы этот человек был живописной техникой, то какой?» — вспомнился вопрос из детской игры. "Кем бы была я?" - задумалась она на мгновение.

Сама она, пожалуй, была бы акварелью.

А какой эпохой?

Со всей этой любовью к свету, колоннам и ясным линиям — наверняка античностью. А каким стилем был бы её брат? Или, например, Профессор? Профессор — это, безусловно, модерн. Четкая, строгая графика. А брат... брат как минимум постмодерн.

Он был несомненным «маслом» — со слишком большим количеством слоев, нанесенных друг на друга, где истинный смысл проступал лишь иногда и в самых неожиданных местах.

А её новые друзья? Где в этой классификации место для Дмитрия, Елены или Стефана?

Кошки перестали "драть" душу когтями своих вопросов без ответов. Сила искусства — в исцелении израненных душ.

Акварели М. Волошина

Окна души

— Или Овертона?

Жилище человека — отражение его души.

Оно может быть забито ненужными вещами или быть патологически чистым, может нести отпечатки новейших тенденций или шик старины, отпечаток духовности или равнодушия ко всему.

Говорят: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Покажи мне, свой дом, и я увижу, каков ты. Ничто лучше не расскажет о человеке, чем его крепость, его тихая гавань или его веселый притон.

Глаза — зеркало души. Окна — глаза дома. Как многое можно увидеть, заглянув в них. Тихие семейные вечера за общим столом, влюблённых растворившихся в объятиях друг друга, людей растворившихся в алкоголе, забывших в бытовой тоске радость жизни матерей, ревнивцев...

Окна квартиры, где когда-то жили Пётр Февральский и Полина были абсолютно пусты.

Но они снова засветились мягким светом, когда трое друзей зажгли торшер в прихожей. Троица снова вернулась в квартиру, так как больше не было зацепок, и так как именно там, им казалось, может таиться ключ к разгадке уже захва-

тившей их истории. Они вошли, и окна дома засветились.

— Послушайте, — сказал Стефан, оглянувшись на стену, — Где-то я этот пейзаж уже видел. — Он указал на картину, висевшую на стене. "На память о незабываемом лете. М." - прочитал он короткую подпись каллиграфическим подчерком.

Эти очертания берегов смутно ему что-то напоминали, но он не понимал что. Напряжение памяти так ничего и не дало. Его собеседники уже болтали о чем-то смешном, и он поспешил к ним присоединиться.

Они обсуждали биографию Петра Февральского и юноши-самоубийцы. О нем было известно не очень много — усыновленный за границу, он вернулся на Родину, учился, молниеносно втянулся в жизнь города и крепко держал руку на ее невидимом пульсе.

Юноша был дьявольски красив, красноречив и умен — идеальное сочетание для публики, которая давно решила вопрос с хлебом и теперь требовала зрелищ. Ими он и обеспечивал скучающих горожан. Эпатажа у него хватило бы на десятерых.

Внезапная догадка озарила Стефана.— Послушайте! — воскликнул он. — Вы помните, что у Полины, ну той, морской девушки, тоже был брат? Не один ли и тот же это человек?

— Довольно у многих есть братья.

— Да, но оба самоубийцы.

— А вот это уже интересней, — поддержал друга Дмитрий.

— И что это нам дает, господа мыслители?

Вопрос Елены повис в воздухе, так как раздался звонок телефона.

Стефану сообщили, что он может еще раз посетить Петра Февральского уже завтра.

Ключ в виде грифона, от кабинета профессора остался в кармане у Елены.

Загадка сфинкса

— Есть две сестры,
одна рождает другую,
а та в свою очередь
рождает первую.
Кто эти сестры?*

*Вторая загадка Сфинкса

Ответ: день и ночь

Кто-то ищет славы, кто-то богатства, а кто-то мира и любви.

«Чего искал Петр Февральский?» — думал Стефан, направляясь к нему в больницу.

"В его годы, с его авторитетом и самообладанием... Еще понятно, что любовь могла прийти к нему внезапно в виде молодой настойчиво любящей, умной девушки. У него просто не было шансов не полюбить в ответ." – На секунду в воображении Стефана нарисовалась картина Шагала с летящей по небу парой. Наверное, Петр Февральский так же витал в облаках, летел над городом над церквями и народом, "через леса, через поля", пока не врезался в стену какой-то безжа-

лостной реальности. Стефан тряхнул кудрявой головой, отгоняя навязчивые образы и неуместный сарказм, который, видимо, был заразный. «Ну действительно, как иначе можно было не понимать, что отношения с девушкой вдвое младше тебя не вечны. Да, это новая жизнь, да, это невероятные ощущения, но как можно настолько потерять голову?» — И тут же его воображению представился всадник без головы и в прериях.

«Что за день-то такой?» — Снова тряхнул головой Стефан, выгоняя из нее всадника. — «Нет, ну действительно, как можно потерять голову настолько, чтобы убить ее и оказаться в психбольнице?»»

Стефан вошел в палату, там сидел маленький сморщенный старичок.

О Боже! Как он постарел, кто бы мог подумать, что еще относительно недавно это был холеный светский лев, что он волновал чьи-то умы, зажигал мысли...

Старичок поднял свой безумный взгляд и произнес:
— Несчастные вы дети! Знаю, знаю, что надо вам. Я вижу ясно: все страдаете.

— ...?

— Но ни один из вас все ж не страдает так, как я страдаю. У вас печаль лишь о самих себе, не более, — а я душой болею за город мой, за вас и за себя.

Стефан подумал и сказал, что он тоже страдает душой за город и за его обитателей. И молится за них, так как он

священник, вот недавно они совершили отпевание убиенной Аполлинаруи.

— Союзника во мне вы обретете, — доверительно сообщил ему Петр Февральский.

— Спасибо, — скромно ответил Стефан.

— Я буду мстить за родину и бога.

— Вы уверены, что Богу нужна месть?

— Я не о ком-нибудь другом забочусь. Пятно снимаю с самого себя. Кто б ни был тот убийца, он и мне рукою той же мстить, пожалуй, станет.

Стефан опешил.

— То есть вы хотите сказать, что не вы убили Полину, что ее убил кто-то другой? — спросил он, почему-то чувствуя себя полным идиотом.

— Я проклиная тайного убийцу, — процедил сквозь зубы возмущенный профессор.

— Тайного?! То есть вы не знаете, кто это был?

— Один ли скрылся, много ль было их, — презренной жизнью пусть живет презренный.

— То есть не знаете? Или знаете, но боитесь сказать?

— Клянусь, что если с моего согласия как гость он принят в доме у меня, пусть первый я подвергнусь наказанию.

— Ясно. А можно я спрошу другое?

— Хотя б и третье — только говори.

— Никто ничего толком не знает о прошлом вашей жены.

— Увы! Как страшно знать, когда от знания нет пользы

нам! О том я крепко помнил. Да вот — забыл — сокрушился Петр.

— Ладно, — не сдавался Стефан, — меня интересует больше всего лишь одна вещь. Была ли Аполлинария крещена? Ходила ли в храм?

В зеленых глазах Петра Февральского отразилась работа мысли. Стефан понял, что ученый действительно мог быть очень красив, когда думал. Он раскрыл рот и произвел ответ, поразивший Стефана в самое темечко.

— Во храм Дельфийский — И добавил, чуть помолчав: — путь держал и, говорят, с тех пор уж никогда домой не возвращался! — закончил он торжественно.

Это было фиаско. Тут терпение Стефана лопнуло. Он попрощался и направился к двери, еле удержавшись, чтоб не хлопнуть ею. А ему вслед неслошь:

— О деньги! Власть! О мощное орудье, — гремел Петр Февральский своим академическим голосом. — Сильней всех прочих в жизненной борьбе! О, сколько же заманчивости в вас!

Стефан направился напрямиком к Дмитрию на кухню. Снять стресс.

— Тебе как всегда?

— Ага.

— Без сахара?

— На этот раз с ним.

— Видно, дело серьезное.

— Да, здоровье надо поправить после такого...

— Опять интригуешь... Плохой знак, — попробовал пошутить он, но понял, что друг не реагирует, и перешел на серьезный тон:

— Получилось что-нибудь?

— Получалась какая-то полная галиматья.

— Что он тебе сказал?

— Он говорил много, очень образно, немного странно. Я же не знаю, как должны изъясняться великие умы с чуть помраченным рассудком. Поэтому слушал и немного спрашивал, он отвечал довольно-таки в тему. А потом, когда я спросил про крещение и храм, он ответил мне про храм Аполлона в Дельфах! Так и поговорили...

— А что храм Аполлона, нормально. Он же царь Лаий. Кстати, Полина — это ж Аполлинаруя. Аполлон — бог, а она богиня. Все логично. Что ты расстроился? — издевательски-сочувственно похлопал он по плечу Стефана.

— Дожили.

— Еще не до того доживем! — подбодрил его Дмитрий.

— Только в момент, когда он упомянул Дельфийский храм, до меня дошло, что он говорил не сам, а стихами, — сокрушался Стефан.

— Что за стихи? — оживился Дмитрий.

Ты издеваешься? Я что ходячая энциклопедия? Или Елена? — возмутился Стефан. — Это даже не святые отцы. Я не знаю! Не узнаю античную классику или не классику на слух!

Или вообще, может, не античные. Может, и не стихи вовсе. Может, стихи собственного сочинения мне декламировал... Вдохновение у него было. Импровизировал, возможно

— А зря — может, в этом ключ.

— Да-да, ключ бы нам не помешал. А то у него, чувствуется, ума палата, а ключ потерял, — в тон другу съязвил Стефан. И мечтательно добавил: — Вот бы отпереть снова этот ум. Ведь гениальный был! Как его так выбило из колеи?

— Почему люди лишаются рассудка? — подхватил тему Дмитрий, любивший пофилософствовать.

— Хороший вопрос. Все по-разному.

— Вот так живешь с человеком, а он в один прекрасный момент четвертует тебя или на кол посадит, — заметил Дмитрий.

— Вообще, среди творческих людей много сумасшедших. Взять хотя бы Ван-Гога с его отрезанным ухом.

— Или родного нашего Гоголя, — добавил Стефан.

— Тут вообще можно долго перечислять великие умы.

— А сколько алкоголиков и наркоманов среди певцов и актеров!

— Это все люди сверхчувствительные. — И в нашем обществе они иначе не могут — У них как будто оголенные нервы. Им надо защищаться любым способом.

— И уйти от реальности — неплохая защита, — подытожил Дмитрий.

— Я вообще удивлен, что ты еще не окончательно «защи-

тился» за все эти годы. С твоей-то профессией.

— Бог миловал, — перекрестился Дмитрий с улыбкой.

Стефан удивился.

— А может, способность чувствовать и творить — это дар? — высказался он. — И, как любой дар, он требует служения?

— Каким образом?

— Может, наоборот, надо развивать волю, оберегая свой дар, чувствовать жизнь, а не спускать его во все тяжкие, пока он не иссякнет. Сколько у нас уродливых, "упавших" во всех отношениях звезд. Сколько «уставших» от жизни актеров, художников, музыкантов. Они должны вдохновляться и вдохновлять. Отражать реальность, как не замутненные зеркала.

— Отражать реальность или отражаться в ней? — перебил Дмитрий, осененный внезапной мыслью.

— В смысле?

— Ведь, может, реальность — это зеркало? — пояснил он.

— Не мы отражаем ее, а она отражает нас, каждого в силу его испорченности. Вот и получается бред сумасшедшего.

— Слышал где-то, — медленно, как бы взвешивая каждое слово, добавил Стефан, — что когда надо было свести общество с ума в эпоху революций, то специально отбирали заведомо сумасшедших художников, артистов как агентов влияния на массы. Чтобы они служили как ретрансляторы или усилители сигнала сумасшествия.

— Вообще, хороший вопрос. Творец — он действительно творец или просто передатчик?

— Ретранслятор, настроенный на определенную частоту?

— Ну конечно, мы же на кучу процентов состоим из воды. А вода — лучший проводник! — засмеялся Дмитрий, и было непонятно, какая тут доля шутки.

— Знаешь, — ответил задумчиво Стефан, — древние иконописцы верили, что их рукой водил Ангел, поэтому они не ставили подписей под своими работами. И поэтому они постились, чтобы перегородка в виде плоти между нашим миром и миром духовным максимально истончилась.

— Может, у Петра Февральского тоже истончилась какая-то перегородка? — мрачно спросил Дмитрий.

— Однозначно. Врачи говорят о сильном потрясении. Ведь наш-то Петр, как камень, был тверже и нормальней всех нормальных, и вдруг...

— Может, держал себя, а потом соскочил? — Может, но скорее — сильнейшее потрясение. Настолько сильное, что поколебало твердыню его разума

— И заиклило его на античности

— Да, в мире без тревог и забот. Такое вечное покрывало Пенелопы — плети и распускай себе, чтобы не делать выбор никогда...

— Интересно, перед каким выбором он стоял? — Может, измена. Прощать или не прощать?

— Так банально?

— ...

Мой Телемак,
Троянская война окончена.
Кто победил — не помню.
Должно быть, греки:
столько мертвецов вне дома бросить
могут только греки**
**Иосиф Бродский «Одиссей Телемаку»

Айвазовский

Картина, которая не была согрета сердцем, останется лишь сухим изображением*.

*Иван Айвазовский

Елена стремительно ворвалась в кафе.

Она привыкла, что, где бы она ни появлялась, все взгляды моментально приковывались к ней. Ее неукротимая энергия в сочетании с безупречной внешностью производили гипнотическое действие на окружающих.

Всеобщее внимание — это была часть ее жизни, и она воспринимала его как должное. Поэтому сейчас она устремилась прямо к столику друзей, не обратив внимания на сеть восхищенных взглядов, брошенных ей вслед. Она была настолько хороша, насколько возможно, — в белом брючном костюме, безупречно подчеркивавшем ее стройную фигуру, с идеальной укладкой, идеальным макияжем и сверкающими глазами.

— Я только что с выставки, — выпалила она друзьям. Глаза ее победоносно блестели.

— Рады за тебя, — красивые губы Дмитрия чуть тронула саркастическая улыбка.

— Сегодня было открытие, Елена явно не обращала внимания на его тон, — выставка Айвазовского. И у меня от-

крытие! Знаете, что я там увидела?

Друзья дружно покрутили головами в разные стороны.

— Картину из гостиной Петра Февральского! Ту, которую показывал Степа.

— Ты же не смотрела?!

— Но все видела. У меня широкий кругозор, — она сделала паузу, — Я бы прошла мимо, они невзрачные, но у меня перед глазами вдруг пронеслась наша прогулка на яхте в городе Полины. Картины объединились. Я готова поклясться, это тот же самый город! Вид с моря. После прочтения названия, сомнений не осталось.

— Я же говорил, что мне это смутно что-то напоминает! Еще тогда, сразу после посещения его квартиры, — почти что вскричал обычно такой уравновешенный Стефан. — Было какое-то чувство ранее виденного или хорошо замаскированного, — продолжил он уже спокойней, входя в привычно-степенную роль.

— Там, конечно, все поменялось со временем... , — делилась Елена.

— Да, маскировка временем — самая лучшая, — философски заметил Стефан. — Иногда сложно поверить, что именно по нашим улицам ходили те люди, о которых мы читаем книги и смотрим фильмы.

— Да, мне вообще кажется иногда, что это как представители других цивилизаций, — выпалил Дмитрий, — А мы — не их наследники, а совершенно "инородный народ", про-

сто занявший их место. Ну, как арабы с пирамидами. Мы живем в мире, созданном великими «Атлантами» прошлого, но совершенно не понимаем, как им пользоваться. Так и я, например, с Эрмитажем — ничего общего. Могу понять величие, но использовать по назначению — никак. Слишком масштабен. Прямое назначение умерло.

— Зато родился музей, — подсказал современное назначение Стефан.

— И в этот музей поместить бы моих друзей — процедила сквозь зубы Елена.

— Я им ключ к победе принесла, а они болтают, как всегда, о какой-то чуши! — вскипела она.

— По-твоему, музеи рождаются, когда умирает прямое назначение? — продолжал Дмитрий ей назло, заговорщически подмигнув Стефану. Ему хотелось позлить надменную и вечно безупречную Елену.

— Ну да. Культура — это некая оболочка вокруг сути, — поддержал игру Стефан. — Когда ядро умирает, культура отправляется в музей.

— По-твоему, музей — это не культура? — продолжал уходить от темы Дмитрий.

— По-моему, музей — это консервы, — неожиданно отрезал Стефан, краем глаза наблюдая за Еленой.

— Изначально музей — это дом муз. Обитель вдохновения. — Намеренно философствовал Дмитрий. Ему доставляло удовольствие видеть, как "вскипала" всегла совершенная

Елена. — Если бы музеи предоставляли площадки для творчества людей или организовывали дискуссии о культуре или искусстве для всех, тогда они были бы очагами культуры. А так — консервы для красивых вещей.

— Ладно, хватит болтать, консерваторы. А то опять потеряем нить Ариадны в лабиринтах, которые выстроила для нас ваша Полина с Февральским, — вернула их на землю Елена.

— Согласен, — не удержался Стефан.

— Тут явно есть какая-то связь.

— И какая же?

— А вот это нам и предстоит выяснить. — воодушевилась Елена, — Давайте разбираться. Объявляется мозговой штурм! Свистать все мысли наверх! Все, что мы знаем или предполагаем. Любые догадки, предположения — хороши. Поехали!

— Есть, капитанисса! — Дмитрий был в своем амплуа и отдал ей честь.

— Начинаем.

— Имя редкое — случайность?

— Почему бы и нет.

— Картины в гостиной и город. Совпадение?

— Возможно.

— Самоубийца?

— Не исключено, чтт один и тот же.

— Ваши странные истории со снами, с которых все нача-

лось.

— Да, вот эта отправная точка вообще какая-то эфемерная. Как ты с нами вообще в такое ввязалась, Леночка?

— Да пожалела вас, сновидцев болезных, — засмеялась она. И тут их прервали. Елену узнали какие-то знакомые, отвлекли и увели в сторону.

А Стефан сказал Дмитрию:

— Знаешь, я вдруг задумался, что и с людьми бывает, как со зданиями, когда прямое назначение — быть человеком — уничтожают, на этом месте рождается безупречны экспонаты для витрины - "звезды".

Дружба

— Или френдзона?

Дружба — это любовь.

Это частица Божественной любви, посылаемой нам в чистом виде, но в малой дозе. У дружбы и любви одна природа — божественная, но разный градус и разные плоскости.

Прекрасен мир, в котором есть место для проявлений любви. Любви безусловной, той, которая не клеветает, не ревнует и не боится. Ведь «боящийся не совершенен в любви».

Любовь согревает сердца и души. У любви нет срока годности.

Когда уходит любовь? Когда люди вместо лиц надевают маски и начинают соприкасаться масками, а не сердцами, забывая, что искренность — это солнечный свет для цветка отношений. Отношения — это живой организм, и он нуждается в свете. Цветы нуждаются в свете, чтобы расти. Маска — это шлем, не пропускающий свет искренности.

Дмитрий, Стефан и Елена были друзьями в детстве. Они были неразлучны в своих шалостях и безумствах. Они жили рядом, вместе проводили летние наполненные солнцем дни и теплые бордовые вечера закатов. Иногда встречали рассве-

ты.

Казалось, они были триедины, но вдруг в один день они обнаружили, что Лена неожиданно стала для них дальше, чем Луна, или дальше, чем если бы уехала, например, в Антарктику или Америку, — из самого близкого человека она превратилась для мальчиков в самое далекое существо на планете — она превратилось в молодую, красивую девушку. Дмитрий и Стефан начали ее сторониться, да и она не "лазила больше по заборам" с былым рвением.

"Почему так произошло?" — раздумывая Дмитрий, его красивые брови невольно сошлись на перносите, образуя складку гордеца, в месте их пересечения.

Мальчики остались вдвоем. Но ненадолго. Затем распался и их двойной союз, Стефан стал ходить в храм, а Дмитрий увлекся фотографией.

И сейчас благодаря этой странной истории с Полиной они снова обретали друг друга, как будто по частям восстанавливали из пепла былую дружбу.

Они как бы снова возвращались в детство и были счастливы и снова равны в своей дружбе.

Елене, конечно, было что делать помимо этого странного расследования на непонятных основаниях. Она, сознавая всю нелепость поиска этой "эфемерной тыквы" по весьма "сомнительной лозе"*, ни за что в жизни не упустила бы эти мгновения дружбы, чистого счастья и возможность отыскать портал в детство.

Они искали повод проводить побольше времени вместе и приняли решение еще раз насладиться совместной поездкой и посетить Полину в ее морском городе.

* Китайская идиома, означающая распутывание дела по логическим уликам.

В гостях у Полины

Зачем слова, когда на небе звезды.

В. Пелевин «Чапаев и пустота»

Друзья снова были у Полины, в ее гостиной. В распахнутые окна влетал легкий морской ветерок, а в проеме окна виднелись тысячи звезд южной темной ночи.

К чаю подавались восточные сладости — какие-то умопомрачительные шарики, треугольники и квадратики, фрукты и варенье из розовых лепестков. Она делала их сама из сухофруктов, орехов и фруктовой мякоти, посыпая розовыми лепестками и кунжутом.

Чай тоже был не простой — ароматный чабрец, из степей, раскинувшихся вокруг города.

«По местному обычаю его надо собирать рано утром, объяснила она — так говорила моя бабушка — именно так лучше сохраняются все целебные свойства, и аромат». Действительно, его терпкий запах уже окутал всю комнату.

— По одной из легенд тимьян, то есть чабрец, вырос из слез Елены Прекрасной, - добавила Полина.

У Полины была необычная квартира. Расположенная у самого моря, на последнем этаже старого дома, она была похо-

жа на библиотеку и галерею одновременно.

Книги стройными рядами массивно стояли вдоль стен, убегая к окнам ровными строчками полок. А перед ними и рядом с ними располагались маленькие цветы в причудливых вазочках, статуэтки, свечи, картины небольшого формата. Картины сразу привлекли внимание друзей. Они безотчетно искали Айвазовского. Еще привлекли их внимание какие-то причудливой формы камни, гладкие, со множеством отверстий.

При свете абажура Полина начала рассказывать историю семьи. По линии бабушки они принадлежали к древнему дворянскому роду, по дедушкиной ветви — к понтийским грекам, по семейной легенде — потомкам Паламеда. Так в ее матери слилась кровь двух древних народов, две чистые линии, что дало потрясающий результат.

Ее мать, которую она никогда не видела, была очень красива. Ее так и называли Маргарита — жемчужина, и растили ее, как жемчужину, в полном соответствии с ее перламутровым именем. Всем виделось какое-то необыкновенное будущее для нее. Никто в этом даже не сомневался. Но, как настоящей жемчужине, ей досталось много боли.

Внешность делает человека узнаваемым. А выдающаяся внешность — предмет всеобщего пристального внимания и зависти. Поэтому, когда она вдруг оказалась беременна — это стало достоянием всего небольшого города. Она разочаровала сразу всех. Она не называла имени отца, а сам он не

появлялся. Поклонников у нее было много, но своей беременностью она как будто обманула их всех. Все ее возненавидели и чуть ли не травили. Это Полина узнала от болтливых соседок, уже будучи взрослой.

Роды начались внезапно, и на свет появилась двойня.

Девочка родилась первой, а роды мальчика стоили матери жизни. Бабушка так и не смогла простить мальчику этого невольного убийства, и долгое время Полина вообще не знала о существовании брата. До тех пор, пока он не появился в ее жизни, прямо на пороге.

Когда она его увидела впервые, он ей показался настолько красивым, близким и родным, что она готова была влюбиться с первого взгляда. Но, выслушав его историю, сначала не поверила.

Разыскала людей, принимавших роды, кто-то из них был еще жив, и они подтвердили, что ребенок был не один. Бабушка забрала только Полину.

Его усыновили за границу.

Детдом особого назначения

- Все мы родом из детства.
- И его же жертвы.
- У детства свои причуды.

Брата усыновили за границу, кажется, в Испанию или Грецию.

Какой-то миллионер усыновлял сирот со всего мира и воспитывал их. Он воспитывал их не просто как родных детей, а как совершенные модели для новой социальной инженерии, как посланников в будущее, как строителей нового мира. Так как был убежден в том, что мир в скором времени должен или рухнуть, или поменяться.

Будучи человеком проницательным, он понимал, что так продолжаться дальше не может, что человечество заходит в тупик. Тупик финансовый, экономический, экологический и так далее..., и если кто-то этого не видит, считал он, то это только в силу своей трусости, ограниченности и близорукости.

Будучи человеком деятельным, он начал действовать и менять мир сам. Для него эти дети были не просто сиротами, а «чистыми листами», на которых он собирался написать код будущей цивилизации.

- Я всегда любил решать одним действием несколько во-

просов. И ты должен научиться этому, сын мой, — рассказывал брат о своей последней беседе с приемным отцом. — В мире много проблем, и рождены они разобщенностью. Поэтому вы должны держаться вместе. Вы все — одна семья. Я собрал вас со всего земного шара, чтобы победить границы. Я дал вам лучшее, чем располагает современное общество. Я развивал именно ваши таланты, присматриваясь именно к вашим наклонностям, не забывая при этом общечеловеческие достоинства. Вы воспитаны так, что старый мир не может устоять перед вами. Вы развиты физически, вы богаты, молоды, красивы, умны и образованны, умеете отделять первостепенное от второстепенного. А главное, вы умеете подчинять воле свои желания во имя достижения цели. Я собрал вас, как Ной в Ковчег, на этом острове."

Это была не просто жизнь — это был эксперимент по созданию человека, лишённого корней, а значит — и слабостей.

— Время от времени я выпускаю вас из моего Ковчега в мир, находящийся на грани потопа. Теперь пришла твоя очередь, сын мой. Лети! Может, ты, как ворон, улетишь навсегда. Может, как голубь, вернешься с оливковой ветвью к нам сюда. Мы будем рады.

— Прежде, чем я покину тебя, отец. Можно спросить, как тебе впервые пришла в голову эта мысль?

— Я путешествовал по Африке и увидел там мою первую

дочь. Эту девочку хотели отдать замуж, в нашем понимании продать, а она была так юна и хотела учиться, я сразу это понял. Я случайно оказался на этой «свадьбе». А эта «невеста» так смотрела на меня, казалось, что-то вливалось в меня через ее глаза. В этот момент мысли перестали быть улицей с односторонним движением, я охватил всю горечь ее жизни. Боль, накопленную в поколениях ее предков. Нищету, дикость и унижение. В то время я думал о том, как поменять мышление людей, но в этот момент понял, что его не поменять — слишком тяжелый груз предков. История — это музей мертвых ошибок, который тянет нас на дно. Надо воспитать новых людей, вырванных из контекста прошлого. Не зная ошибок прошлого, нельзя принести их в будущее. Вы воспитаны мной так, чтобы стать правителями нового мира, его духовными вождями. Вы все сохранили родные языки, и сейчас вы можете вернуться в родные страны, чтобы там занять свое место и нести им свет новой жизни. Вы — те самые Атланты, которые подставляют плечи под небо, когда старые опоры сгниют.

— И, действительно, брат говорил, что многие его братья и сестры становятся выдающимися людьми нашего времени, среди них художники, писатели, спортсмены, программисты и политики. Они, как грибы, взошли из ниоткуда, а кто-то еще наверняка ждет своего часа.

Матрица жизни

Дети — это не раскраски.

Вы не можете раскрасить их своими любимыми цветами*.

— Мой брат был человеком творческим, как и я. Видимо, есть в наших генах что-то, что влечет к красоте, что-то такое, что заставляет перевоплощать мир и создавать новое.

"Художники, — говорил он, — как никто другой помогают рождаться новому миру — служить той миссии, для которой я был воспитан."

Он видел в искусстве не просто эстетику, а инструмент перепрошивки реальности. Художники своей мыслью и воплощением ее говорят с гигантской массой людей, со многими поколениями, как ныне живущими, так и через века.

— Они направляют мысли и мечты людей. И кто, как не они, укажут выход из сложившегося тупика, в существование которого он свято верил. Кстати, в вопросах создания нового он очень завидовал женщинам, так как считал именно их истинными творцами жизни на земле и наследницами будущего. Первая мысль была его собственная, вторая — унаследованная от приемного отца. Он говорил: "Мужчина — это архитектор лабиринта, но только женщина — это сама жизнь, которая может этот лабиринт заполнить."

— Вы можете пояснить это подробнее, Полина? — прервала монолог заинтересованная Елена.

— Да, конечно. Женщины создают жизнь, творят из ничего, из себя. И это самый прекрасный созидательный акт, доступный человеку. Здесь человек становится равным Богу.

"Это - говорил он, — была цена изгнания из рая. В раю детей не было. Человек стал подобен Богу, человек получил способность творить. Творить людей. Творить войны..."

— Что спорить, женщины вовлечены в этот процесс гораздо больше мужчин, - не выдержал Дмитрий, не умевший долго оставаться в тени.

— Ты про войны? Вот уж не надо перекладывать, - колко отозвалась Елена.

- Конечно, я про создание жизни.

— Мужчина, как и в вопросе грехопадения, конечно, участвует, но не на главных ролях. — Все рассмеялись. Полина, если хотела, могла быть удивительно смешной.

— Мой брат хотел бы участвовать больше в процессе создания человека.

«Мужчина просто дает мерки, — пояснял он, — часть чертежей. А женщина решает, из чего будет создаваться новое творение — что есть, что пить, на что смотреть, о чем думать и что чувствовать. И все это передается ее ребенку. Любая ее эмоция, мысль запускает гормональные процессы, которые влияют на ребенка, формируют его».

- Причем я никогда не задумывалась, но он объяснял, что гормоны вырабатываются матерью в соответствии с массой ее тела, и в той же концентрации они попадают к ребенку, а

масса тела ребенка несравненно меньше. Поэтому если мать испугана, то испуг «рикошетит» по ребенку, причем многократно усиленный. Если мать счастлива, то ребенок тем более. И все, что может делать мужчина, — оберегать мать. В этом брат видел главный изъян «мужского» мира.

«Смотрите, как они относятся к населению своих стран, — говорил он. — У мужчин нет опыта родов, поэтому им так легко дается война.»

- Вообще мужчины меньше склонны договариваться, они на физиологическом уровне менее эмпатичны, у женщин прям строение мозга другое.

- Человечество бы давно вымерло, если бы женщины не умели подстраиваться и понимать младенцев, не старались бы понимать, чего они хотят и что им нужно, - добавил долго молчание Стефан.

— Поэтому управление государством, дипломатию со всеми вопросами войны и мира — тоже стоило бы передать женщинам! — Елена захлопала в ладоши, явно довольная ходом беседы и своим выводом.

— Умеете договориться с младенцами, значит и с государствами, думаете, получится? — уже традиционно съязвил Дмитрий — Сказали «агу», и все растаяли?

— А что? Маргарет Тэтчер обещала, что любая успешная домохозяйка управится и с государством, — парировала Елена.

— Конечно-конечно, экономика от слова экономия? — не

унимался Дмитрий.

— Экономия — от греческого слова «икос» — дом. Отсюда же, кстати, и экология. Наш «дом» сейчас захвачен таксидермистами, Дима, которые путают управление с дрессировкой.

— Ага, а номос — это ум. Итого «Умный дом» получается — очень современно, — парировал Дмитрий.

— Или «ума палата»

— Или целый дом, а ключ сам знаешь где. Потерялся где-то. Это про вашу мужскую экономику, — с явным наслаждением язвила Елена.

— Причем без лично воспитанных детей, хорошей семьи и порядка в доме — о политике даже не мечтай, — попробовала сгладить углы Полина. Все рассмеялись.

— Главные качества для входа в политику — доброта и хозяйственность, — подал голос Стефан.

— И никакого оружия, — подхватила Полина.

— А то что это за подковерные игры взбесившихся извращенцев? — уже несло Елену дальше. — Кто кому где прижмет, кто у кого где отожмет.

— Война вообще должна быть запрещенным приемом! — настаивала Полина на своем.

— Думаю, надо вам с Полиной возглавить правительство, — поделился мыслями Стефан.

— Да, причем мировое, — весело отозвалась Елена.

. *Халед Хоссейни «Бегущий за ветром»

В имени - судьба

— *Что в имени тебе моем?**

— Ничего.

— Полина, а почему вас так называли?

— В честь бабушки. Она очень гордилась своим именем - оно означает принадлежность к Аполлону — покровителю искусств, а она была актрисой и считала, что в любой профессии есть два способа реализации: либо зарабатывать на жизнь, и тогда всего будет всегда мало, либо служить — и тогда будет всего в избытке. Вот она и служила искусству всеми силами.

— Вы любили бабушку?

— Очень. Она была очень добрая и смешная, а еще чудесно пела. Своим волшебным голосом, она пела мне колыбельные писала стихи и могла целую поэму сочинить, просто укладывая меня спать. Даже в голове не укладывается, что она, такая добрая, могла бросить брата на произвол судьбы и скрыть от меня! У нас же были деньги его вырастить! Мы не нуждались! Бабушка тоже рисовала, как и мы с Артемом.

— А можно увидеть что-нибудь из ее творчества?

Полина сняла со стены маленькую акварель с морем и соснами. На обороте было четверостишие:

Соснового леса ритм непрерывный,

Солнца восхода луч золотой —

Молиться о мире я не устану,

Когда же помиримся мы с тобой?

— Это был момент, когда она, вставая еще до рассвета, каждое утро уходила гулять. Потому что так она могла почувствовать умиротворение и свежесть утра. Тогда весь мир гудел от политических конфликтов, и они с дедушкой тоже, вроде бы согласные во всем, не могли найти общий язык. Тогда они договорились просто не касаться тем, сеющих раздор. «Основы олимпийского спокойствия», — шутила она. Об этом и стихотворение.

Полина улыбнулась, вспоминая бабушку, и все улыбнулись вслед за ней, зараженные блеском ее глаз.

— Вы редко упоминаете дедушку.

— Поти его не помню. Он рано умер.

— А кто называл брата?

— Бабушка. Аполлон и Артемида — два близнеца. Даже не желая его принимать, она не могла отказать своей артистической натуре в удовольствии назвать близнецов парно.

— При этом поменяв полами, — заметил Дмитрий.

— Странно было бы выпустить в свет Аполлона с Артемидой, — отозвался Стефан.

— Это имя ему, кстати, сохранили в приемной семье. Хо-

тя, как в любой тайной организации, у них были свои тайные имена, с особым смыслом. Как правило, восходящие корнями к мифологии родной страны. Так Артемий получил имя Атлантид.

Атлант — гигант, держащий мир на свои плечах. А Атлантид — его потомок, способный, нащупав точку опоры, перевернуть землю. Он очень серьезно относился к своему второму имени и заключенному в нем призванию.

— Неужели он собирался перевернуть землю?

— Именно.

— И каким образом?

— Может, самоубийством, — грустно сказала Полина. Это был его переворот реальности. Хотя я, общаясь с ним, никогда бы об этом не подумала. Мне казалось, он думал и планировал гораздо глубже, имел планы на будущее.

Друзья переглянулись.

— Почему? — спросил Стефан.

— Он видел все признаки уже начавшегося переворота в событиях минувших лет. Они его и радовали, и пугали. Мне до сих пор не верится, что он мог так просто изъять себя из будущего, — в голосе Полины зазвучали непрошенные слезы.

— О каких событиях мы говорим? — попытался перевести тему Стефан.

— Обо всех. Все они увязывались в единую цепочку в его сознании. Цепь событий с единым исходом — перерождени-

ем цивилизации. Его не пугали эпидемии, войны. Он видел в этом предпосылки вынужденного оздоровления планеты. Вообще, его способность мыслить планетарным масштабом, конечно, впечатляла.

— Издержки воспитания, — заметил Дмитрий. — Когда тебя растят определенным образом, ты перестаешь видеть людей, а видишь только потоки данных.

— Возможно, — отозвалась Полина и продолжила: — Но была одна вещь, которая очень его пугала. — Полина сделала паузу.

— Какая? — выразила Елена всеобщую заинтригованность.

— Это искусственный интеллект. Например, пандемию он рассматривал, как «пробу пера искусственного интеллекта». «Вся наша жизнь пронизана взаимодействием с различного рода сетями, — утверждал он. — Искусственный интеллект самообучается. У него есть доступ ко всему: к информации, деньгам, умам. Единственное, чего у него нет, — это тела. Единственный для него способ получить тело — это взять наши тела, связав их своими нейронными сетями — интернетом».

Повисла пауза.

— Нейросетями? — отозвался Стефан, насколько мог шутливо.

— Да. Ну, как грибы связаны грибницей в лесу. И внешне маленькие и отдельные, они являются самыми большими

организмами на планете.

— Может, и интернет у них свой есть? — поспешил разрядить обстановку Дмитрий. — И каждый человек, сидящий на этой грибнице, — гриб, как Ленин.

— И постепенно превращаются в кирпичи для новой цифровой пирамиды,— добавила Елена.

— Но это еще не конец, — продолжала вошедшая в раж Полина. — В его теории было еще и продолжение.

По сути, изменения его не пугали. Он к ним готовился с самого детства. Видел их неизбежность и всячески приветствовал. Он вообще был приучен считать, что если что-то шло плохо, то надо думать, какую пользу из этого «плохо» можно извлечь. И он думал.

Полина немного помолчала, как бы собираясь с силами перед прыжком.

— Но тут, и это было в один из его приездов ко мне, он познакомился со священником, начал читать религиозную литературу. И на фоне общения с новыми людьми и новым чтением его мысли приняли совершенно новый оборот.

— Интересно какой? — оживился Дмитрий.

— Он узнал, что Церковь — это тело Христово. И что христиане строят Церковь из своих тел, участвуя в таинстве Причастия. Причастие чему? — задала Полина риторический вопрос. И сама на него ответила: — Телу Христову. Вы уже увидели параллель? Уже поняли, что так пугало Артемия?

— Лучше вы, Полина, поясните, — высказался от имени всех Стефан. — А то если и поняли, то каждый по-своему.

— Да, в силу своей испорченности, — вставил неугомонный Дмитрий.

— Хорошо, — согласилась Полина. — Он узнал, что цель христианства — Обжение, и что Христос сделал человеческую природу Божественной. Священник объяснил, что христиане через Причастие получают частицу Божества в себя, в свою жизнь, в свое тело. И тем самым строят из себя Тело Христово, то есть Церковь.

Храм тела Христова — это люди, в противовес ветхозаветному Храму-зданию. Дойдя до этой благой мысли, он не остановился. Человек может обожествиться сам, он не может обожествлять здание. Но один человек — это слишком мало, как один кирпич. Он, может быть, и очень хорош, но только в совокупности с другими хорошими кирпичами он в состоянии построить Храм. Только все вместе мы можем создать нечто великое.

Дальше его чтение дошло до Апокалипсиса. Апокалипсис его потряс. Ему стало абсолютно понятно, что Антихрист — не человек, рожденный женщиной. Что Антихрист — это сверхчеловек, создавший себе тело из множества людей и противостоящий Телу Христовой Церкви, скорее даже осуществляющий его подмену. В греческом «анти» это не «против», это «вместо».

И тут мысли об искусственном интеллекте, начинающем

осознавать себя и строящем свое тело, заняли свое прочное место в его сознании. Он решил, что Антихрист — это ИИ. Вместо живой души — алгоритм, вместо любви — сетевой протокол.

В этот момент, как по команде, у всех зазвонили телефоны, и все звонки оказались важными. Словно невидимый дирижер решил, что на сегодня откровений достаточно. Другьям пришлось покинуть Полину и ее уютную квартиру на набережной.

**А. С. Пушкин. «Что в имени тебе моем?..»*

Гермафродит

«Разве вы не знаете, что вначале люди были едины, и лишь потом боги разделили их надвое?»

— **Платон, «Пир»**

На следующий день друзья сидели в кафе на набережной среди роз и софор, которые своими кронами заслоняли их от южного солнца нежной сеткой тени. А ветер доносил легкий аромат моря и соленых брызг, который, смешиваясь с запахом роз, превращался во что-то невообразимо головокружительное.

— Ну и что вы скажете? Какая у нас теория заговора? Может, действительно, это искусственный интеллект его прикончил? - произнесла Елена полушутливо.

— Начал осознавать себя, а тут начали осознавать его, — в свойственной ему саркастической манере предположил Дмитрий.

— А, может, тайное сообщество сирот? — перехватила нить диалога Елена.

— Еще лучше. Все тайные общества этим грешат. Убирают своих неудобных адептов.

— Что за меценат еще со склонностью к сектантству? Единично растил мировую элиту сирот на острове! Это бы

идеально объяснило, почему меценат так тщательно оберегает тайну своего Ковчега.

— А кто сказал, что единолично? Может, их много таких отцов-основателей. У каждого по острову! Расплодили элиты, теперь убирают.

— А почему мы чистое самоубийство обсуждаем как убийство? И вообще, причем тут он? Мы же про нашу Аполлинарию приехали думать, — взбунтовался Стефан.

— Стресс снимаем. Мозги тренируем.

— Детективы ведь с недавнего времени!

— В том-то и дело, — не унималась Елена. — Всё выглядит слишком безупречно, напоминает расстановку экспонатов в витрине. Может, в этом и смысл, — не сдавалась Елена.

— Какой смысл? — вскинул брови Стефан.

— Да в том, что все это специально подстроено и выглядит так чисто неспроста. Полина считает, что не мог он себя убить. Всегда, когда кажется — всё таак гладко, оказывается совсем не гладко в итоге.

— Оказывается гадко, — вставил Дмитрий свои пять копеек сарказма.

— Точно! Наверное, там сплошная гадость. Надо спросить у Полины, появился ли миллионер на похоронах?

— Спроси лучше, появился ли на похоронах искусственный интеллект.

— А вообще похороны-то были? Как-то мы это упустили из виду. Что там с телом?

— Ладно, кончаем упражняться в остроумии. Нам пора идти к Полине, — встrepенулась Елена, посмотрев на часы.

Полина уже ждала их с ароматным чаем. Она улыбалась, и было видно, как она рада видеть друзей.

Она говорила о грифонах на лестнице, охраняющих пролив ключом от двух морей; о древней церкви и подземных склепах; о Царском кургане, не уступающем микенским гробницам Шлимана.

В её рассказах оживал город: здесь учился великий психиатр-гипнотизер, без которого русская культура потеряла бы изрядную долю своего блеска; здесь родился святитель Лука — хирург, который на суде остроумно заметил, что, многократно вскрывая черепную коробку, он не видел там ни ума, ни совести.

План прогулки был грандиозным, но Елена, не дожидаясь пауз, задала вопрос, который весь день не давал ей покоя:

— Полина, ведь у тайного имени вашего брата есть и еще один смысл. Помимо перевернутой вселенной — Елена замолчала. Полина не реагировала. — Атлантид — это второе имя персонажа, более известного нам под именем Гермафродит. Атлантид — имя по дедушке Атланту. Гермафродит — по матери и отцу. — Елена сделала паузу.

— Неужели Гермес и Афродита? — в восторге от своей внезапной догадки высказал предположение Дмитрий, хотя и понимал уже, что попал прямо в точку. В эйфории от своего ума он не заметил выражения лица Полины.

— Да, от союза красоты и торговли родился человек, наделенный как мужскими, так и женскими признаками. В представлении древних— бог, хотя и не высшего ранга, — Елена несомненно обладала свойством вникать в детали.

— Да, но я стараюсь об этом не думать. Мне почему-то неприятно. Не могу думать, что это было задумано и сделано специально. Будто Артемия «проектировали» как универсальное существо, лишая его права на простую человеческую суть. И не могу думать, в контексте наших парных имен.

— Либо имя подстраивает под себя человека. Либо человек себя под имя. Либо его делают таким окружающие, — высказалась Елена.

— Не хочу на эту тему думать. Простите, — немного помолчав, произнесла Аполлинария. Ее морские глаза помрачнели. Она сама на мгновение почувствовала себя такой же «спроектированной» деталью огромного механизма.

— А священник, с которым дружил ваш брат? — просто чтобы сменить тему, спросил Стефан. — Расскажите про него. Что было дальше?

— Едва начавшаяся дружба со священником внезапно прервалась. Артемий перестал приезжать. Ведь его мысли были не совсем "ортодоксальными". Тогда же началась его полемика с профессором Февральским...

Друзья настолько ярко отреагировали, что Полина даже удивилась.

— В чем дело? Петр Февральский и Артемий встретились случайно на каком-то ток-шоу. И началась их схватка, так трагически закончившаяся.

Круг несомненно замкнулся. В этой истории определённо была какая-то тайная нить, которую им никак не удавалось нащупать.

Полина помрачнела. Друзья вспомнили первый неудавшийся разговор с Полиной. Почему-то все вопросы, связанные с братом, вводили ее в странное состояние напряжения.

— А что сказал священник, когда узнал о смерти вашего брата?

— Сказал, что самоубийц не отпевают.

Так разговор и кончился.

Разочарованные друзья вышли от Полины. Надо было возвращаться каждому к своей жизни. Им полюбились эти морские поездки. По установленному Леной правилу, после тех так некстати раздавшихся звонков они договорились отключать на время поездок телефоны, устраивая еще и цифровой детокс, и это было чувство полной оторванности от реальности.

Так они провели целый день.

— Действительно, где она, наша реальность? Вокруг нас, внутри нас или внутри наших телефонов с компьютерами? — лениво потянувшись спросил Дмитрий в тот вечер, сидя между двух друзей в свете полной луны.

— Не знаю, — беспечно ответила Елена, — знаю только,

что важна личная гигиена и в вопросах души, и в вопросах телефона тоже. Есть специальные очень дорогие реабилитационные центры, где у всяких серьезных дядек просто забирают телефоны. Мой муж был в таком.

— Ты его туда отправила?

— Да.

— Помогло?

— Не-а, как видите. Ведь я не с ним.

— Какой из мужей? — едко подмигнул Дмитрий.

— Один из мужей, — подмигнула ему в ответ Елена. —

На твоём бы месте я вообще помалкивала. Я каждый раз замужем за реальным человеком. А не встречаюсь каждую ночь с мертвыми чужими женами.

Что-то необратимо испортилось. Все волшебство их встреч куда-то исчезло. «Портал в детство» внезапно захлопнулся, оставив их в холодном лабиринте настоящего. Как будто их изгнали из рая их же собственной дружбы.

Дмитрий решил остаться еще на один день и встретиться со священником. Ему нужно было понять: был ли Артемий «ошибкой Бога» или он был единственным, кто действительно увидел лицо Антихриста в строках программного кода.

Отец Тарасий

*Увы! Как страшно знать,
когда от знанья нет пользы нам!*

— **Софокл.** «Царь Эдип»

Его ждал невысокий человек с окладистой бородой, орлиным носом, с очень умными и пронизательными глазами. За толстыми стеклами очков его зрачки казались огромными и неподвижными; он смотрел не на Дмитрия, а куда-то сквозь него, словно обладал тем особым зрением, которое дается лишь взамен обычного. Сразу было видно, что это человек деятельный, волевой, аскетичный и даже, наверное, фанатичный.

— Артемий, да, несчастный мальчик! Такой горячий, умный. Как жаль! Это был большой удар для меня. Никогда не встречал таких. Я полюбил его, как сына. Но он совершенно не знал границ.

— Свободно мыслить, пожалуй, – это великое достоинство.

— Но менять реальность так резко и так кардинально

— Так уж его воспитали. Мир — это пластилин в руках

творца.

— Да, хотя если подумать, что в итоге получилось

— Из него готовили творца, не знающего слова «нельзя».

— Лучше б, наверное, менял.

— Все, что касается новой жизни, мне кажется очень интересным

— Хотя не знаю, — продолжал, как бы не слыша, священник, — все во мне переворачивается, как подумаю о таком бунте против природы, который он задумал. Даже не понятно, как за него молиться, и можно ли вообще? И с каким именем? Или только птичек кормить? Хотя после того, что произошло, уже точно — только птичек. Хотел стать Атлантом, а стал — лишь тенью в чужой игре.

Отец Тарасий заметно погрустнел, и лицо его как-то сдулось, стало странно тяжелым, все черты его поползли вниз.

— Да, это тяжелая тема, — понял Дмитрий и не стал ее развивать. Ему было жаль отца Тарасия, ведь он по себе знал, как тяжело бывает, когда дорогой сердцу человек совершает непоправимое.

«Это как предательство», — подумал он про себя, а вслух сказал:

— Мне пора. Спасибо за встречу.

— Зря я так резко отреагировал! Но уж больно радикальные изменения он задумал. Его создатель пытался создать существо, стоящее «над» полом и «над» человеческой слабостью. Это превращает Артемия из человека в концепт, и

именно это его убило, — услышал он последнюю фразу отца Тарасия. И снова почувствовал болезненный укол совести из-за того, что разворошил это все.

До поезда оставалось три часа. Город лежал у его ног: извилистые иероглифы улочек, храмы и, конечно, бродячие кошки. Местные коты, лениво раскинувшие хвосты, как императорские мантии, лежали на окнах и ступеньках домов, ходили по ветвям, мурлыкали и шурились янтарно-солнечными глазами.

Какой-то предок этих котиков, вальяжно греющих шерстку на солнце, вдохновил Пушкина на создание образа кота-ученого, и произошло это именно здесь, на этой набережной, — на этом настаивала Полина.

"Кот ученый" — образ-архетип, образ-идентификатор нашей национальности, нашей идентичности, — думал он в ритме своих неспешных шагов, слушая плеск моря о бетонные плиты, — «Нация — это люди, читавшие одну литературу и одни и те же детские книжки», — вспомнил он слова друга-актера, которому создавал портфолио. — " Именно поэтому Пушкин и есть наше все, мы начинаем знакомство с миром, держа в руках его книжки с детскими иллюстрациями. И продолжаем читать всю жизнь. В этом его гениальность — каждому свое, каждому возрасту, каждому характеру есть что взять от него. К одной книге можно возвращаться в разных возрастах и всегда видеть что-то новое. "

Следуя извилистым буквам южных улиц, он позволял слу-

чайным поворотам увлечь себя, случайно завернул в какой-то дворик, услышал хлопок и увидел бегущую Полину. Она была бледна, и руки ее тряслись, взгляд блуждал. Не осталось и следа от ее чарующей грации.

Это было просто напуганное существо. «Как сильно страх стирает индивидуальность, — успел подумать Дмитрий. — В страхе мы все одинаковы». И направился наперерез к девушке, она его узнала, бросилась к нему, оглянулась через плечо и с облегчением выдохнула.

— Что такое? Что случилось? — взволнованно спросил он.

— Меня хотели похитить. Потом стреляли.

Повисла пауза. Такого поворота Дмитрий явно не ожидал.

— Кто? — только и смог выдавить он.

— Не знаю.

— Вас ранили?

— Нет, я каким-то чудом в самый момент выстрела споткнулась, как будто кто-то меня подтолкнул.

— Ангел-хранитель, наверное.

— Да, да Обычно я не спотыкаюсь.

— Я заметил.

— А потом, мне казалось, меня преследуют. Я боялась оглянуться и вдруг увидела Вас, и сразу стало легко — поняла, что спасена.

Она снова обрела спокойствие, ясность движений и доверчиво посмотрела в глаза Дмитрию.

— Вы думаете это как-то связано с нашим приездом?

— Не знаю, могут быть и еще причины. Мир вокруг нас становится слишком тесным, — произнесла она загадочно.

В этот момент раздался сигнал будильника. Дмитрий вздрогнул, как будто проснувшись.

— Полина, мне надо на поезд.

Ее рот закрылся, а глаза распахнулись в немом укор.

Дмитрий почувствовал, как все его рыцарские доспехи с треском слетели с него, как тыква с боем часов. Тайна тоже, только начав прорисовываться, снова задернулась непролазным туманом после злосчастного будильника. Он уже мысленно ругал себя, но инерция продолжала нести его по намеченному курсу.

— Полина, может, вы поедете со мной? Мы все будем рады вас видеть нашей гостьей.

Полина ничего не сказала.

— В любом случае, приезжайте чуть позднее. У вас есть наши контакты. Будем вас ждать.

Полина молчала.

— Полина! Поедем со мной! Зачем вам оставаться в городе? В месте, где небезопасно. Даже если Вас преследовали по ошибке. Ошибка — еще более обидная причина. — Он посмотрел умоляюще в ее мраморное лицо и сделал еще одну попытку оживить эту "Галатею".

— Нигде так хорошо не говорится, как в поездах. Вы посмотрите наш город. Его любят все без исключения. У нас

тоже есть море, правда, оно холодное. Но можно видеть горизонт и закаты... —Дмитрий незаметно для себя из скептика превращался в поэта. И сердце Полины дрогнуло. Она решилась.

— Для художника необходимо вдохновение. А где же его искать, как не в путешествиях и прекрасных местах, — продолжал распинаться Дмитрий. Он каким-то невероятным чутьем угадал, что чаша Полининого авантюризма уже склонилась в его сторону. Он победил!

— Очень важно менять декорации, особенно когда старые начинают рушиться прямо на глазах.

— Да, я поеду, но чуть позже. Мне надо собрать вещи. Они попрощались.

Дмитрий уехал. Под монотонный стук железных колес он ругал себя.

Почему он не остался? Ведь ему ничего не стоило поменять билет, остаться с Полиной, защитить ее, произвести неизгладимое впечатление, провести незабываемое время. А вместо этого он одиноко тащится в гусенице поезда. К нему приходили разные мысли. О себе, о двух Полинах, о людях и о друзьях.

*И все-таки ведущая домой
дорога оказалась слишком длинной,
как будто Посейдон, пока мы там
теряли время, растянул пространство.*

— **Иосиф Бродский «Одиссей Телемаку»**

Человек из прошлого

— *Что это за человек?*

— *О, это большой талант; из своего голоса он делает все, что захочет.*

— *Ему бы следовало, сударыня, сделать из него себе штаны.*

А. С. Пушкин «Египетские ночи»

Тем временем Стефан был встревожен не на шутку. Он получил анонимное письмо.

В письме было время, место, и конечно же, интрига: «Приходите завтра в 15:00 в кафе Гвоздь. Нам о многом надо поговорить».

Кафе было рядом с квартирой Февральских.

Стефан не хотел идти один, поэтому он с нетерпением ждал появления Дмитрия.

Они вместе вошли в кафе «Гвоздь» ровно в назначенное время.

Перед ними сидел очень красивый человек скандинавской

внешности: высокий рост, голубые глаза, светлые волосы, в элегантном сером костюме, безусловно расслабленный и с безукоризненными манерами.

«Вот была бы пара нашей Елене», — подумал Дмитрий. Человек заговорил с друзьями на русском языке с легким акцентом, но сразу предупредил, что иногда будет переходить на английский, и Стефану пришлось периодически выступать переводчиком, так как Дмитрий английским владел не так свободно.

— Вы знаете, я его очень любил, — начал Стэн.

— О ком мы говорим?

— О моем брате, о моем лучшем друге и лучшей части моей жизни. Об Артемии.

— Почему вы решили обратиться к нам и как вы о нас узнали?

— Я не верю, что он мог просто покончить с собой. Он был гением и мастером эпатажа... И большим любителем жить. Никогда бы в жизни он так не сделал... Я узнал, что вы встречались с этим чёртовым профессором... — буквально прорычал он, — Я уверен, что он убил и его, чтобы убрать с дороги. Раз он не пожалел красавицу-жену, что ему стоило убрать конкурента! Возможно, он серийный убийца-маньяк. Давайте объединим усилия! Я хочу разобраться во всем. Я нанял детектива, но все, что он нашел, — это вас. — Холодная элегантность покинула величавого блондина. Было видно его сжатые кулаки и напряженные скулы.

— Понимаете, все нити ведут к этому сумасшедшему убийце, — сказал он разъяренно.

— А какие нити связывали вас с покойным Артемием?

— Мы вместе выросли. С его смертью я потерял все лучшее. Я утратил покой и радость. Я не могу думать ни о чем, кроме мести. Чтобы хоть чуть-чуть успокоить его душу и свою совесть.

— А вы уверены, что душа успокаивается именно так? — вкрадчиво поинтересовался Стефан.

— Мне дух мой никак не позволит жить и общаться с людьми, пока ненавистный убийца жив.

— А муки совести?

— Я их испытал, когда от опасности смертной друга не мог защитить! Далеко от Родины милой пал он, и в этой беде я на помощь ему не явился!

— Но умер он как раз-таки на Родине.

— Нет. Родина — это там, где тебя любят, где тебя приняли и по тебе скорбят. Наша родина находится на далеком острове.

— Вы тоже с этого острова?

— Да, острова ослов и миллионеров, как мы шутя называли его.

— У вас было счастливое детство?

— О да. Море что может быть прекраснее? Нежное, теплое, ласковое, такое живое и такое загадочное Прекраснее может быть только остров им окруженный. Остров, затерян-

ный в синеве и желтеющий своим песком, как звезда. Обласканный волнами, украшенный пеной, он гордо плывет на карте, — скандинав оказался еще и поэтом. — Никаких машин там нет, как нет и простых людей. Только миллионеры способны наслаждаться отсутствием машин и наличием ослов. Но мы отвлеклись. Вы готовы помочь мне?

— Но в чем заключается наша помощь?

— Мечь.

— Поясните.

— Я предпочитаю Win-Win. И у меня есть план.

— Но чего вы хотите добиться этой мечью?

— Я привык быть победителем. Меня так воспитывали.

— Но ведь победа — это не всегда самый как бы это сказать — английский Стефана явно буксовал — жестокий метод?

— Не жесткий, а эффективный, — отрезал прекрасный, как полубог, скандинав. — Но в сущности, мне все равно. Я чувствую невероятный гнев. Слаще, чем мед, стекает он в грудь, после того же все больше в груди разрастается дымом. И, если этот пар не выпустить, то будет взрыв. Вы понимаете? Либо паровоз поедет, либо будет взрыв. Либо лед тронется, либо я тронусь, — произнес он многозначительно. — Я — Ахилл, который опоздал к стенам Трои.

— Гнев да погибнет, который и мудрых в неистовство вводит! — только и мог ответить в тон ему Стефан.

— Поймите. Очень долго мы действительно считали себя

родными братьями. Мы росли вместе. Мы не знали, как оно бывает в других мирах. В нашем мире все были братьями, все были красивы и умны. Потом нас по двое стали выпускать во внешний мир. Разумеется, мы «полетели» вдвоем.

Мы много читали, много знали, видели, но только на экранах, в реальности мы попались в первую же ловушку. Наверное, таков и был план нашего отца. Чтобы мы, набив шишек, вернулись в гнездо и стали бы больше ценить связавшие нас узы, больше ценить наш жребий. Но у нас с Артемием все пошло не по плану. Мы встретили гадалку и не устояли перед искушением узнать у нее судьбу. Мы грезили великими делами и новым миром, который мы должны были создать.

Предсказание

«Зри и Терезия, принявшего иной лик, Когда он из мужчины стал женщиной, Преобразив все свои члены...»

— Данте Алигьери, «Божественная комедия»

— Гадалка с площади Милосердия предсказала мне большую славу и раннюю смерть, – сообщил северный гость – Эта мысль прочно вошла в мое сознание, она меня ужаснула и подстегнула к большим свершениям. Я понял, что времени нет. Когда она, эта ранняя смерть придет? Нет времени сидеть на острове, в стороне от всего, и терпеливо ждать рождения нового мира. И я начал действовать. Я понимал, что миру лучше по-другому, но мне надо было прямо сейчас.

Артемию тоже не терпелось узнать свою судьбу. Он с трепетом протянул свою руку женщине в черном и приготовился слушать о предстоящих ему поворотах «колеса фортуны».

А услышал он нечто еще более ужасное.

— Если не секрет, то что? — спросил Стефан замолчавшего было Стена.

— Что женится на матери и убьет отца.

Друзья открыли рты, но ничего не сказали. А Стэн продолжал:

— После такого предсказания он перестал есть и пить.

Мы долго думали и приняли два противоположных решения. Я решил бежать к судьбе со всех ног, а он решил бежать от судьбы. Так он никогда больше не вернулся на остров к нашему отцу, которого боялся убить. И так он решил никогда не жениться и не вступать в связь с женщинами.

Я тоже ушел от отца и начал добывать себе славу, как только мог.

— Простите, а чем вы занимаетесь? — вступил в разговор Дмитрий.

— Политикой. Это самый быстрый способ достичь славы и самый быстрый способ приблизить новый мир. Сейчас я вижу, какой чушью было предсказание. Отец наш умер несколько лет назад, а Артемий так его и не видел. А я, сломя голову бежавший навстречу ранней смерти, пережил лучше-го друга, убитого негодяем. Сейчас я бы с радостью свернул шею этой гадалке и поганому убийце, разумеется.

Мужчина добела сжал кулаки.

— А вы уверены, что это сделал именно он, профессор?

— Ну, конечно, вероятно он узнал что-то про близнецовый проект и убрал обоих.

— ???

Немое удивление повисло в воздухе.

— Кого обоих?

— Аполинарию и Артемия.

— А что за "близнецовый проект"?

— О, это я объясню потом. Я хочу, чтобы мы вместе ото-

мстили. Вы за убийство своей подруги, я за убийство брата. Не просто ж так вы взялись за расследование?

— Но мы не хотим мстить. У нас другие цели.

— Какие?

— Боюсь, это будет затруднительно вам объяснить. Хотя, если вы поверили гадалке

— Больше никогда в жизни не поверю!

— Вот видите... Нам надо понять, была ли Полина крещена и не самоубийством ли была ее смерть.

— Не думаю, — отрезал Стэн. — Запомните, мне нужна месть.

Стефан посмотрел в глаза Стэну, — Просто подумайте о том, что месть — это совсем не победа. А скорее наоборот. Говорю вам это как человек, выслушавший тысячи исповедей. Мечь делает человека безумным и влечет ужасные последствия. А того, кто мстит, делает проигравшим.

— Что же тогда победа?

— Главная победа — это победа над собой, и в разные моменты жизни она разная.

— Банально.

— Не настолько, чтобы не подумать об этом на досуге. Пообещайте подумать и не предпринимать ничего без нас.

На этом они расстались.

Книги

Любая книга — умный друг:
Чуть утомит, она смолкает;
Она безмолвно поучает,
С ней назидателен досуг

Лопе де Вега «Валенсианская вдова»

Книги — они как дома. В них можно укрыться разумом. Что толку укрывать плоть, когда душа оголена, а разум бездомен?

Есть книги-вселенные, зайдя в которые, можно вечно блуждать по их водоворотам и изгибам. А есть легкие, способные укрыть от непогоды книги-палатки, в которых можно немного отдохнуть и идти дальше, неся в будущее легкий аромат приятных воспоминаний.

Стефан предпочитал первые. Великие книги.

Он мог часами читать Книгу, уходя с головой в древнее повествование. Перед глазами чередой возникали пустыни, пророки Это книга-загадка, думал он, книга-океан

«В начале было Слово». Есть представление о мире, как о библиотеке, которую мы должны научиться читать. Мир — это гигантская библиотека, и мы рождены, чтобы ее прочесть. Для чтения нужны буквы, и сначала мы изучаем азбуку этого мира: аз, буки, веди; ее алфавит: альфа, вита, гамма — составляем личный каталог вкусов и запахов, ощущений, эмоций и воспоминаний. Библио — это книга. А буквы — это элементы: л, м, н — эл, эм, эн на латыни, или стихии: с, т, х — в греческом.

Воздух, вода, огонь, земля — стихии и стихи. Бог — поэт. Он композитор вселенной. Он сочиняет из стихий бытие. И поет его, воплощая Слово.

Стихии — это элементы, и скрепить их в прекрасное бытие может только пятый элемент — Любовь. Без нее — все ничто. Без нее швы мироздания расползаются в клочья. А поэзия жизни рассыпается на буквы.

Произнося слово, мы воплощаем его. Звук — волна, волна материальна, но ее продолжительность во времени не велика. Слово написанное останавливается во времени, остается в веках. Произнося слово, мы воплощаем его из небытия в бытие. Оно никогда не умирает, но остается с нами в вечности. Произнося слова, мы участвуем в творении мира. И мир зависит от того, какие слова мы произносим, в какой момент и как.

Познание бесконечно, как Бог, творящий ежесекундно бесконечную и постоянно расширяющуюся Вселенную.

Стефан и Елена

Он звезды сводит с небосклона,

Он свистнет — задрожит луна;

Но против времени закона

Его наука не сильна.

Александр Пушкин «Руслан и Людмила»

Стефан с детства был предельно добрый, он располагал к себе людей одной только искренней улыбкой.

Лучезарная улыбка не сходила с его лица. Неубиваемое доброе расположение духа делали его незаменимым во всех компаниях, особенно в связке, состоявшей из вечно остроумного Димы и гордой Елены. Стефан умел слушать, умел задавать вопросы и не докучать советами, с самого детства люди рядом с ним как будто раскрывались и расцветали. Таким редким даром обладал он.

Но был у этого дара и побочный эффект, сбрасывая затверделые маски, люди как бы обретали крылья, испытывая эйфорию. Они, как бабочки, вылуплялись из коконов привычных масок, после долгих ползаний в виде гусеницы. Бабочки были повсюду, и, погружаясь в бездну его харизмы, девушки влюблялись.

А как иначе толковать то, что ни с кем им не было так хорошо, никто их так не понимал и никто ими так не интересовался?

Светлые вьющиеся волосы и голубые глаза довершали дело, а так же делали похожим на ангела. Поэтому, когда он выбрал себе жизненный путь, это ни для кого не стало сюрпризом.

До всех как бы разом дошло, что именно так оно и должно быть. А как иначе? До всех, кроме двоих

С этим были крайне не согласны двое самых близких друзей - Дмитрий, удрученный количеством служб и молитв. И Елена, у которой были на Стефана совершенно особые планы, хранившиеся в тайне ото всех.

Она написала Стефану одной из лунных ночей, сидя на подоконнике своего окна, увитого лианами, дерзкое письмо, в котором требовала выбрать: либо она, либо Бог. Стефан никогда так и не ответил ей на письмо ни в какой форме. Но стал ее сторониться, и очень быстро их дружба сошла на нет.

Дмитрий, не знавший подробностей, имел свою часть претензий к обоим, и таким образом, их "тройственный союз" вскоре совсем распался. Елену окружил рой поклонников, Стефан ушел в храм, а Дмитрий погрузился в мир фотографии. Мир, способный остановить прекрасное мгновение и оставить его в веках. Это и не зеркало, и не картина — это гораздо лучше. Дмитрий был очень талантливым фотографом, умершим безошибочно ловить момент и останавливать

мгновение.

Воссоединившись с другом спустя годы, Стефан невероятно обрадовался. У него тоже был тяжелейший период в жизни после смерти жены и ребенка в автокатастрофе. И старая дружба, всплывшая так кстати, была для него поистине спасательным кругом, удержавшим на плаву — настоящим подарком небес. Дмитрий стал как бы дверью, ведущей в детство, полное магии, открытий и первозданной свежести.

А как же Елена? Он так никогда и не ответил на ее письмо. Тогда они были юными максималистами, безумными в своей правоте. Смешно оглядываться на это сегодня с высоты своего возраста и опыта.

Как можно было разрушить такую связь, такой устойчивый треугольник? Как можно было настолько не понимать друг друга! Не понимать, что треугольник, лишенный одного ребра, — обречен. Восстановив одну грань их старой дружбы, у него появилась потребность в третьей. Появилось желание вернуть Елену.

Он чувствовал, что ход остался за ним, ведь именно он не ответил на письмо тогда.

Он сел и начал писать. Его рукой двигало вдохновение, как всегда, когда он видел перед собой белую бумагу и держал в руках карандаш или ручку.

Он начал писать:

«Воздух, мы его не чувствуем, пока он есть. Он так легкий и естественен, что мы его не замечаем. Даже вдыхая аромат

или смрад, мы дышим, но говорим о запахе, игнорируя саму суть. Он невидим. Только, когда он становится ветром, мы чувствуем его на своей коже и радуемся или кутаемся в одежды. Но воздух становится поистине необходим, когда его нет.

Много лет назад ты просила меня отказаться от Воздуха, а у меня не хватило духу просто принять то, что Он для тебя пока не видим. Ты просто им дышишь. И, возможно, когда-нибудь он сойдет в виде Огненного Языка прямо тебе на голову. И ты заговоришь на всех языках мира разом и с таким жаром, что никто не сможет устоять. Но пока ты прекрасно говоришь на тех языках, которые учишь сама, и речи твои предельно убедительны

Недавно ко мне обратился Дмитрий, и наша встреча стала великим утешением после несчастья. Я был просто необходим для него, а он для меня. Но тебя нам очень не хватает. Это ощущается каждую минуту.

Давай забудем нашу былую обиду! Ведь обиды происходят от того, что кто-то кому-то что-то должен. Мы уже давно не должны ничего друг другу. Мы взрослые люди. Давай оставим недоразумения юности, и все вместе насладимся теплом этой долгожданной встречи!»

Он написал письмо от сердца и начал рисовать портрет Елены по памяти — собирательный образ его воспоминаний, девочки-подростка и взрослой женщины. Именно за этим занятием его и застал разъяренный появлением не той

Полины Дмитрий. Портрет остался незаконченным.

"Пожалуй, это даже лучше" — отражает и его чувства, и всю суть произошедшего.

Он отправил письмо.

Рукописные письма, сколько в них тепла и уюта! Умиряющее искусство писать ускользало в прошлое по цифровой горке электронной почты и мессенджеров. И это правильно, так быстрее и удобнее. Но красота должна жить, пусть и в малых дозах.

Стефан стал ждать ответа. Он не сомневался, что письмо придет. Письма были одним из любимых способов общения Елены. В детстве она постоянно подсовывала им записки и писала письма всякий раз, когда отправлялась к бабушке на море. После прощания они с Дмитрием каждый раз держали по пухлому конверту. И читали эти письма, когда Елена уже уносилась от них куда-то вдаль. А они все еще чувствовали ее присутствие в своих мыслях.

Стефан ждал письма. Но его все не было.

А потом Дмитрий так просто решил позвонить недостижимой Елене. Просто по мобильному, без всяких писем. Он, оказывается, ее фотогравировал не так давно для какого-то модного журнала. Опять технологии победили красоту! Все получилось так, что Стефан почувствовал себя последним ослом.

Елена ответила на звонок. Но не на письмо.

Воздух

— Чем измерить давление воздуха?

— Атмосферой!

Атмосфера — так легко и так сложно одновременно.

Она на нас давит. И снова мы в ее власти, снова стоим перед фактом того, что она есть и что ее надо создавать.

В пространстве дома и мест надо прокапывать каналы, по которым бы ручейки вдохновения и радости стекались в нужном направлении, а не разливались в лужи, разводя влагу слез и болота несбывшихся надежд. Большое искусство — настраивать гармонию невидимых струн дома, момента, отношений.

У каждого места — своя атмосфера. Это нельзя забывать. И она не берется с собой в сумке или чемодане, она создается минутами и часами жизни, внутренней работой и состоянием.

Да простят меня все, но как тяжело молиться в храмах, переделанных из музеев! И как легко в «намоленном» месте или в присутствии святого. Оно и логично, храм — это храм, а музей — это музей. И пусть каждый понимает это в силу

своей «атмосферности».

Поезда — гусеницы, самолеты — бабочки. Человеческая жизнь — это кокон, который ткут эти шелкопряды, наматывая километры между городами и странами. Путешествия рожают человека каждый раз заново, делают его новым. Любая дорога — преобразование, нельзя пройти путь и остаться прежним. Равно как нельзя и один путь пройти дважды.

Она приехала в город с особой атмосферой. Приехала в город с висячими мостами, город слез и улыбок, город-мечту в рамках величавых рек, город с бисером островов, рассыпанных по карте, плывущих вдаль навстречу мечте. Это город дождей и золотых туч, золотых крон и золотых куполов, серого неба и серых будней, с прорезями голубого неба и синевы барокко. Царственный город поэтов и революций, окутанный вуалью смерти и победы над ней.

«Красота — страшная сила, — подумала Полина, выходя на перрон, — она и спасает, и губит одновременно, в ней жизнь и смерть».

Она повернула голову влево, ощутив чей-то пристальный взгляд. И скрестилась взглядами с незнакомцем. Пронзительные голубые глаза, отливающие сталью, впились в нее. Светлые волосы, настолько нереального оттенка, что казалось, они отливали прямо зеленью под лучами неяркого солнца, волевой подбородок и высокие скулы. Он неожидан-

но отвернулся.

Дрожь прошла, как разряд электричества, и она тоже от-
вернулась.

Тут она заметила Дмитрия, бросилась к нему, унося ощу-
щение цепкого взгляда, а в сердце и на сетчатке — запечат-
ленный образ незнакомца.

Она была удивлена и растеряна, поэтому все, что произо-
шло в этот день, буквально записалось в ее памяти. Ведь им-
принт под действием эмоций происходит естественно и глу-
боко.

Дмитрий показался ей тихой гаванью, лагуной, в которой
можно укрыться. Его руки распахнулись, принимая ее в объ-
ятия. Безотчетное доверие разлилось по ее телу.

Они занесли вещи и пошли бродить по рекам и каналам,
между бронзовых великанов, мраморных красот и гранит-
ных рамок. Перейдя через мост, они перешли на «ты». И не
заметили, как стали самыми родными людьми на свете. Бы-
ло даже немного обидно, что красота города из основного
предмета восхищения превращалась в декорацию, в допол-
нение к их увлекательной беседе.

Земля

Её провидели в лучистой сфере
Блудницею, сидящею на звере,
На водах многих с чашею в руке,
И девушкой, лежащей на быке.
М. Волошин "Европа"

Иногда Дмитрий чувствовал себя быком, мощным и упрямым. И очень земным. Упрямство было его чертой с детства. Он всегда знал, чего не хотел, и невозможно было его заставить.

Земля давала ему силу. Он еще мальчиком любил прижаться ухом к ее груди, в тщетной попытке уловить ее пульс, услышать ее сердце. Иногда, казалось, у него получалось. И тогда, глядя в синее небо сквозь колоски, он улыбался солнцу всем своим существом, всей полнотой души юного мечтателя.

Земля твердая и мягкая, плодоносная и скупая. Такая творческая в своем изобилии и скудная в засухе. Земля в своем плодородии зависит от воды.

Так и Дмитрий снова обрел в этой морской гостье вдохновение и жажду. Он готов был гулять с Полиной ночами напролет по волшебному городу, впитывать волшебство его

белых ночей и дарить их ей. Самые дорогие подарки — те, которые тебе не принадлежат, думал он ночами. Он готов был рассказывать про город часами, делая его их общим знакомым.

Он водил ее в свои любимые места. И каждое из них каким-то невероятным образом оказывалось связано с ней. Он прописывал ее в каждой строчке любимых улиц и рек, проводя по ним свою гостью. Он как ластиком стирал ее присутствием все былые воспоминания и тяжкие думы. Такого вдохновения у него не было со времен смерти Полины. У него даже закралась мысль в свете всех этих греческих мотивов, что он, как Деметра, бесплоден, пока любимая в царстве Аида, и снова возрождается, когда она с ним. Что вся его жизнь — это смена сезонов. И сейчас он снова переживает весну после маленькой личной смерти под названием зима.

Он вспомнил, как был повержен, когда Аполлинария умерла, как был расстроен, когда она потом появилась в образе совсем другой девушки. Сейчас это кажется каким-то дурным сном, ночным кошмаром. Он наконец-то снова счастлив, просто глядя в ее таинственные, широко расположенные на лице глаза.

Саркофаг

Она и не пример для нас.
Ведь удалось Ахиллу в Ферах,
Как, верно, ведомо тебе,
С ней жить вне наших рамок серых,
Вне времени назло судьбе!

«Фауст» И. В. Гёте
— Перевод: Борис Пастернак

Дмитрий вел любимую по любимому городу. Что может быть прекрасней!

Страшное наваждение смерти отступило. Полина была здесь, рядом, совсем живая и совершенно прекрасная. Ее движения грациозно оттачивали силуэт их походки в пелене дождя и солнца, так часто сменяющих друг друга на этих берегах.

— Сюрприз, — провозгласил Дмитрий.
— В смысле?

— В самом прямом. У меня для тебя сюрприз, Полина,
— Дмитрий чувствовал себя взволнованно, точно школьник на первом свидании, — Как уж не в своей сковородке, — подумал он со смехом.

— В моем вкусе? — шаловливо закусила она кончик губы.

— О да! Кому-либо другому такой сюрприз вряд ли подойдет. Ну разве только нашей Елене.

Ему нравилось наблюдать за ее лицом, таким живым и выразительным.

Ему нравилось делать ей подарки. Она всегда радовалась, как ребенок. Но этот «подарок» был странным и он нервничал.

— Какой? — спросила она одним лишь взглядом.

— Для этого надо переместиться со мной дворец, — нарочито таинственно произнес Дмитрий. Она сделала круглые глаза.

И Дмитрий повел ее сквозь кованые решетки под великолепными арками, мимо атлантов, во дворец цвета летнего неба и осенних листьев.

Он показал ей золотые сокровища, родом из той же земли, что и она. Великолепные творения древних мастеров вставали перед ней, как живые. Вот олень, вот скифы в смешных шапочках. Древняя красавица причесывала этим гребнем свои роскошные косы. Он помогал ей быть готовой к самым важным моментам ее жизни — перед замужеством, брачной ночью, рождением ребенка. А до нее — ее матери и

целому ожерелью ее предков, уходящих корнями вглубь веков.

— А это, Полина, то, ради чего мы пришли: это саркофаг.

— То есть гроб? Ну, это очень оригинальный и жизнеутверждающий сюрприз! — засмеялась она.

— Не торопись, Полина. Присмотрись. — Ее ирония больно задела Дмитрия. — Что ты видишь?

— Остатки рук и ног, тела без голов. Это намек?

— Конечно. А еще?

— Орнаменты Изображение кого-то Даже разбитое оно прекрасно. Кто так варварски поступил?

— Это, Полина, саркофаг с изображением сцен из жизни Ахилла, из твоего родного города. Помнишь ты рассказывала нам про хтонических муравьев-мирмидонцев при первой встрече.

— Да, но почему он так разбит?

— Гробницу с саркофагом нашли случайно, когда хотели поставить флагшток.

— Интересно жить на слоеном пироге истории! — воодушевилась Полина. — Хочешь флаг поставить, а получаешь привет прямиком из Аида. Но не могли же его так флагштоком повредить?

— Все было разграблено уже задолго до флагштока. И, видимо, саркофаг, хотели вытащить и продать, разбив по частям. Но слишком он оказался массивный — бросили.

— Слышала, что у всех «счастливчиков», то есть черных

археологов, охотящихся за сокровищами из могил, очень несчастная судьба. Но насколько это правда — не знаю. Часто для разграбления могил брали мальчиков, маленьких и худых детей, способных пролезать в очень узкие отверстия.

Дмитрий нахмурился.

— Детские судьбы не очень волнуют охотников за артефактами. — Полина тоже помрачнела. В ее сине-зеленых глазах мелькнул огонь негодования. — Иногда мне вообще кажется, что все эти войны в исторических местах развязываются, чтобы артефакты перекочевали к кому-то в частные коллекции, или коллекции сменили хозяев. А страдания детей никого не волнуют. Но не будем об этом — она попыталась улыбнуться и сменить тему. — С чего ты взял, что это Ахилл? Тут же ничего не понятно! По пятке?

— Да, ДНК-тест Ахиллесовой пяты провел, из мрамора, — засмеялся Дмитрий.

— Но тогда откуда такая уверенность?

— Не моя заслуга — и не ко мне претензии. — Дмитрий шуточно поднял руки как бы в невидимой защите от града вопросов. — Это установили по сходству с другим саркофагом, находящимся здесь же в Эрмитаже, но уже "родом" из Греции. Почти полное совпадение сюжета барельефов.

— Давай посмотрим!

— Обязательно!

— Здесь хорошо виден Ахилл в женском платье, схватившийся за оружие и тем самым выдавший себя.

— А вот эти две фигуры, сохранившиеся и на твоём Мирмекийском саркофаге, — сумасшедший Диомед и хитроумный Одиссей, убивший твоего давнего предка Паламеда.

— Они прибыли за тем, без кого не победить в войне против Трои? — подхватила Полина знакомую сюжетную нить.

— Да. За тем, кто и сам в ней погибнет, потеряв лучшего друга, но покроет себя бессмертной славой в веках, — за Ахиллом. У него есть выбор - спастись, оставшись в женском платье — сохранить жизнь, но потерять славу и бессмертие в веках. В мире мертвых все перевернуто, мужчины — в женских платьях.

— Когда ты успел так просветиться? Ты же совсем недавно еще ничего в этом во всем не смыслил!

— Тебе честно или красиво?

— То есть одно с другим не совпадает? — хитро сощурилась она.

— Но и не противоречит, — подмигнул Дмитрий.

— Давай обе версии!

— Ты меня вдохновила погрузиться во все это. Но с саркофагом, конечно, надоумила Елена.

— Какая она невероятная! И внешность, и ум

— Решила пополнить ряды ее поклонников?

— Давно уже в них.

— Смотри не заблудись! Там много разных

— И ты тоже?

— У меня иммунитет детской дружбы и давнего знаком-

ства. Я как бы и там но хорошо ориентируюсь.

— Да, такими людьми, как Елена, невозможно не восхищаться. Почему она одна?

— Слишком высокого полета птица, — поспешил закруглить острую тему Дмитрий, не любивший сплетен. — Как ты думаешь, почему именно Ахилл изображался на саркофагах, причем серийно?

— Ну, он был покровителем мертвых и даже хтоническим божеством. А муравьи — его, мирмидонцы — тоже хтонические существа, ствол загробной жизни.

Яркая вспышка отразилась в черных глазах Дмитрия.

— Наконец-то до меня дошло! — хлопнул себя по лбу Дмитрий.

— Что?

— Помнишь, чем кончается «Сто лет одиночества»? Муравьями! Теперь понятно, почему именно они, и что они не просто так туда заползли на последнюю страницу! Это же символ окончания рода, муравьи - символ всеразрушающего времени и загробной жизни! — Дмитрий был рад открытию. Ведь это была его любимая книга, он зачитал ее до дыр и знал почти наизусть. — Это моя любимая книга! А твоя какая?

— «Царь Эдип», — коротко ответила Полина. — Интересно все-таки, что Мирмекий — город муравьев, и Ахилл, Царь мирмидонцев, почитался именно здесь, и саркофаг нашли здесь же, — вернулась Полина в русло античности.

— А еще интересно, что в загробном мире — именно

Ахилл — то есть самый сильный, стал мужем Прекрасной Елены — то есть самой красивой на «островах блаженных», то есть острове Левке — Белом, или Змеином.

— Вне времени, назло судьбе.

— А как иначе? Она ведь старше его была раза в два.

— Мифическая героиня — лицо без возрастных примет.

Полина посмотрела на красивое лицо Дмитрия – оно сильно изменилось с момента их первой встречи. Стало более одухотворенным. Не просто сочетание красивых черт на "холсте" лица, а как буд-то появилось нечто общее, придавшее всему смысл.

Те же миндалевидные глаза, те же длинные ресницы, но теперь они прямо сияли.

Полина невольно залюбовалась им.

Смешались в кучу кони, люди...

Смешались в кучу кони, люди,

И залпы тысячи орудий

Слились в протяжный вой...

— **М. Ю. Лермонтов «Бородино»**

Они продолжили прогулку и весело болтая пошли вдоль реки.

— А это угадай кто? — показал Дмитрий на статуи двух юношей и двух коней у здания Манеже.

Полина задумчиво обошла скульптуры, с видом эксперта рассматривая двух мужчин, укрощающих коней, и без тени сомнения с сияющей улыбкой выдала:

— Диоскуры!

— Ты знала!

— Ну конечно! Копии итальянских Диоскуров перед Квиринальским дворцом у фонтана.

— А то, что их изготовили в Италии и не могли доставить сюда семь лет, знаешь?

— Нет. А почему?

— Попробуй догадаться.

— Не хотели ехать в ваш сырой климат?

— Да, даже мраморные полубоги боятся мороза, — за-

смеялся Дмитрий.

— А если серьезно?

— Да разве можно с тобой серьезно, Полина! — воскликнул Дмитрий.

— А ты попробуй, вдруг получится. Я буду делать серьезное лицо, как твоя первая учительница.

— Будь у меня такая учительница, я бы знал все лучше всех!

— Мне правда интересно, почему?

— Их закончили в 1810, а привезли в 1817. Твои предположения?

— Ну, правда, не знаю.

— Из-за войны с Наполеоном и континентальной блокады.

— То есть из-за санкций

— Ну, можно сказать и так.

— А ты знаешь, что пилотка - тоже связана с Диоскурами?

— Нет, почему?

— Потому что пилос - это их шапочка, в форме яйца из войлока.

— Да, на банную шапку похожа...

— Не смейся. Πίλος так, кастати, и переводится как «шерсть» или «войлок».

— Не буду смеяться. Расскажи, при чем пилотка.

— Диоскуры были покровителями мореплавателей.

— А впоследствии стали воздухоплателей?

– Ну почти. Pilotto - рулевой на судне в Италии. Так же стали называть рулевых на воздушных судах.

– А что с формой приключилась?

– Античный пилос был круглым и плотным, потому что его часто поддевали под тяжелый бронзовый шлем, чтобы тот не натирал голову. Пилотка стала сплюснутой с боков и складной, потому что когда летчик надевал авиашлем, мягкую тканевую пилотку можно было легко сложить и спрятать в карман или засунуть под погон.

– То есть их объединяет общая "шлемная" история.

– А ты умеешь слушать!

– А знаешь ли ты, премудрая Аполлинария, где еще есть Диоскуры в нашем музее под открытым небом?

— Покажешь?

— Всегда рад.

И они пошли дальше по бесконечно прекрасным площадям и улицам, мимо домов, за каждым из которых влачился шлейф легенд и душистых воспоминаний.

Они неспешно шли по мостовым, каждый квадратный метр которых полит кровью и засеян костями людей, принесших себя в жертву ради защиты красоты, свободы и своих близких.

Нет ничего более ужасного и прекрасного одновременно. И в годы обстрелов, голода, холода люди находили в себе силы спасти памятники, закапывая их в землю, как семена будущей жизни, и ждать, когда время этой страшной жатвы

пройдет и взойдут, политые кровью, красота и мир.

Смешались в кучу кони, люди

Смешались в кучу кони, люди,

И залпы тысячи орудий

Слились в протяжный вой...

— **М. Ю. Лермонтов «Бородино»**

Они продолжили прогулку и весело болтая пошли вдоль реки.

— А это угадай кто? — показал Дмитрий на статуи двух юношей и двух коней у здания Манеже.

Полина задумчиво обошла скульптуры, с видом эксперта рассматривая двух мужчин, укрощающих коней, и без тени сомнения с сияющей улыбкой выдала:

— Диоскуры!

— Ты знала!

— Ну конечно! Копии итальянских Диоскуров перед Квиринальским дворцом у фонтана.

— А то, что их изготовили в Италии и не могли доставить сюда семь лет, знаешь?

— Нет. А почему?

— Попробуй догадаться.

— Не хотели ехать в ваш сырой климат?

— Да, даже мраморные полубоги боятся мороза, — за-

смеялся Дмитрий.

— А если серьезно?

— Да разве можно с тобой серьезно, Полина! — воскликнул Дмитрий.

— А ты попробуй, вдруг получится. Я буду делать серьезное лицо, как твоя первая учительница.

— Будь у меня такая учительница, я бы знал все лучше всех!

— Мне правда интересно, почему?

— Их закончили в 1810, а привезли в 1817. Твои предположения?

— Ну, правда, не знаю.

— Из-за войны с Наполеоном и континентальной блокады.

— То есть из-за санкций

— Ну, можно сказать и так.

— А ты знаешь, что пилотка - тоже связана с Диоскурами?

— Нет, почему?

— Потому что пилос - это их шапочка, в форме яйца из войлока.

— Да, на банную шапку похожа...

— Не смейся. Πίλος так, кастати, и переводится как «шерсть» или «войлок».

— Не буду смеяться. Расскажи, при чем пилотка.

— Диоскуры были покровителями мореплавателей.

— А впоследствии стали воздухоплателей?

– Ну почти. Pilotto - рулевой на судне в Италии. Так же стали называть рулевых на воздушных судах.

– А что с формой приключилась?

– Античный пилос был круглым и плотным, потому что его часто поддевали под тяжелый бронзовый шлем, чтобы тот не натирал голову. Пилотка стала сплюснутой с боков и складной, потому что когда летчик надевал авиашлем, мягкую тканевую пилотку можно было легко сложить и спрятать в карман или засунуть под погон.

– То есть их объединяет общая "шлемная" история.

– А ты умеешь слушать!

– А знаешь ли ты, премудрая Аполлинария, где еще есть Диоскуры в нашем музее под открытым небом?

— Покажешь?

— Всегда рад.

И они пошли дальше по бесконечно прекрасным площадям и улицам, мимо домов, за каждым из которых влачилась шлейф легенд и душистых воспоминаний.

Они неспешно шли по мостовым, каждый квадратный метр которых полит кровью и засеян костями людей, принесших себя в жертву ради защиты красоты, свободы и своих близких.

Нет ничего более ужасного и прекрасного одновременно. И в годы обстрелов, голода, холода люди находили в себе силы спасти памятники, закапывая их в землю, как семена будущей жизни, и ждать, когда время этой страшной жатвы

пройдет и взойдут, политые кровью, красота и мир.

Стен

Стен, так звали нашего героя, был скандинавом до мозга костей. Никто не сказал бы, глядя на него, что он большую часть жизни провел на Южном острове. Высокий, светловолосый, широкоплечий, с глазами синими, как будто в них отразилась вся синева фьордов и смотрящихся в них небес. Он был тоже поражен красотой этой женщины, как будто спустившейся с неба, хотя на самом деле спустилась она лишь с подножки поезда. Она не шла, плыла, окруженная толпой, — было в ней нечто настолько притягательное, что глаз не оторвать. Стен замер не в силах двинуться с места к своему поезду, незнакомка ответила ему долгим взглядом, и как будто электрический ток прошел по жилам. Но тут же она отвела взгляд в сторону другого мужчины, появившегося как раз вовремя, чтобы прервать то, что как молния пронеслось между ними. Стен узнал Дмитрия. Это его насторожило и удивило. Такое совпадение. Хотя совпадение чего и с чем? Красивой девушки с его недавним собеседником? Но он привык доверять своей интуиции, это был один из бесценных навыков приобретенных или развитых на острове миллионера. Он часто повторял, что машина считает гораздо быстрее человека, но то, что помещается между еди-

ницей и нулем, ей недоступно — это и есть место интуиции — и шанс человека на победу над машиной. И сейчас между нулем и единицей определено что-то было. Стен решил не садиться в свой поезд. По крайней мере, не сегодня. Он решил познакомиться с девушкой, когда она будет одна. Полина шла по северному городу своей легкой походкой. Идеально ровная спина, длинные волосы плыли волнами в такт шагам. Привычка вставать на рассвете проявилась и здесь, в городе, где полгода царствует ночь, и полгода — день. Солнце, как бы стараясь наверстать упущенное, пытается отогреть природу и людей своим сиянием даже после полуночи, щедро даря им волшебство белых ночей. Здесь рассвет встречается с закатом на горизонте и после короткого поцелуя, от которого все вокруг розовеет и разлетается золотыми искрами, начинается новый день. «Нельзя спать в такое время, — думала Полина, — глупо лежать в плену у собственной подушки, запутавшись в простынях, когда рождается утро». И она пошла навстречу новому дню и ощущению чего-то прекрасного и удивительного, как тысячи раз она делала в своем родном городе. Сначала она просто ходила, восхищенная красотой набережных, рек и каналов. Но потом в ее голове стала оформляться отчетливая мысль: зачем я здесь? И внезапно, как молния, пришел ответ. Он поразил ее своей очевидностью и ясностью и заставил остановиться прямо посреди улицы. Он поразил своей простотой и тем, что никогда раньше не приходило ей в голову. Может, шутка про ДНК

Ахиллесовой пяты дала свои ростки, а может, время пришло. Но призыв к действию четко прозвучал в Полининой голове.— Надо найти отца! Как можно скорей! Здесь, где столько лабораторий! Вдруг повезёт!Идея показалась ей гениальной. Она окрылила ее своей правильностью и своевременностью.— Заблудилась? — услышала она холодный голос с явным акцентом у самого своего уха. Она вздрогнула, обернулась, и снова как будто разряд электричества прошел по ее телу. Это был он, незнакомец с вокзала.— Похоже, что так, — улыбнулась она, пытаясь отделаться от непонятного наваждения. — В своей жизни заблудилась, — добавила она с улыбкой, не в силах иначе скрыть сложную палитру эмоций — восторг от недавнего открытия, радость, удивление, недоумение, надежду, тревогу, страх, любопытство и еще что-то, чему названия еще пока не нашлось.Этот взрывной коктейль придавал ее и без того милому лицу совсем уж неотразимое выражение.«Слишком красивая, слишком живая, — подумал Стен. — Уеду», — решил он.«Найти отца» — эта мысль пульсировала у нее в голове. Не может она больше жить в своем стеклянном замке, пронизанном солнечным светом, как в хрустальной консервной банке.И они пошли каждый своей дорогой.

Вода

— Что польешь, то и пожнешь. Она любила грубость бетонных плит. Их столько раз целовали волны, что оставили на них вмятины. Их твердость была ничто в сравнении с нежностью воды. Здесь все было заковано в гранит, и поцелуи воды были гораздо более сдержанными, вода просто гладила вековые плиты своим течением. Но даже эта гладкость не может быть вечной, как и наша цивилизация. Род людской с его цивилизацией пришел и уйдет, а вода останется, и земля останется. Получше бы нам заботиться о своей земле. О своем доме. Такие мысли одолевали Полину, идущую вдоль канала. Полина подошла к лаборатории. Сердце как птица билось в груди, выбивая неведомые ритмы. Столько лет она не искала отца. Может, еще ничего и не получится из этой затеи. Может, он давно умер или его нет в базах данных. Но что-то подсказывало, что получится, и все есть, а сердце отбивало рефреном: скорей, скорей, скорей. И Полина не стала ждать — она вошла в дверь, за которой ей предстояло еще раз окунуться в реку своего прошлого. Все течет. Πάντα ρεῖ. И нельзя в одну реку войти дважды. А если долго сидеть у реки, то мимо тебя когда-нибудь проплывет труп врага. У Полины не было врагов, по крайней мере извест-

ных ей. Она нахмурилась, вспомнив странное происшествие, ставшее причиной отъезда. Хорошо, что она приехала. Нельзя в одну реку войти дважды. Русло ее определено, но что принесет вода, не ясно, да и русла меняются, реки оборачиваются вспять, в том числе и волей человека. Только хорошо ли это? Сила развернутой воды может омыть и очистить душу, как Авгиевы конюшни, а может и размьёт все опоры и, затопив, погубить. Вода — очищающая, живительная, изменчивая и постоянная. Идеальный проводник и растворитель, мы состоим из нее. Может, мы тоже проводники? От чего и к чему? Люди — как мосты, они могут прокладывать себе дорогу из одной души в другую, из прошлого в будущее из безнадежности в надежду, из небытия в бытие и из вечности во время. Полина попала в город мостов, рек и каналов, в город объединенных душ и шла по нему твердой походкой человека, принявшего решение..***Дмитрий и Стефан встретились тем же утром.— Они хотели ребенка, — произнес Стефан как-то грустно.— Что? Откуда ты знаешь? Кто?— Профессор сам сказал мне об этом, — задумчиво, как бы вспоминая, пояснил Стефан. — На секунду его взгляд прояснился, он посмотрел мне прямо в глаза, чего никогда не делал раньше, и произнес: «А мы ведь хотели ребенка. Какая глупость!»— Ну, вполне нормальное сожаление для человека, считающего себя древним царем. Наследник же нужен для царства! — не мог удержаться Дмитрий. — Не вечно ж самому править. А когда ты успел у него побывать?— Пока

ты бродил с прекрасной Полиной по прекрасному городу.— Звучит, как будто ты мне завидуешь.— Есть немного. Но вообще-то я за тебя рад, — мягко улыбнулся Стефан одной из своих самых очаровательных улыбок, немного ироничной, но обезоруживающе доброй.— А еще я случайно встретил врача, к которому они обращались, — продолжил он.— Вот так случайность! Каким образом?— Он пришел ко мне, так как его тоже потрясла вся эта история. Он узнал об отпевании и нашел меня. Профессор хотел ребенка, она не хотела и настаивала на поиске уже имеющихся возможных детей Февральского. Он был категорически против. Они не могли договориться. Противоречия в этой "идеальной" семье стали настолько кипящими, что рисковали обрызгать своей желчью любого, приближавшегося к ним. Доктор невольно оказался в зоне поражения. Он пытался разрядить атмосферу. Но каждый стоял на своем. В результате им удалось договориться, очертив квадратуру круга. Февральский сдает генетический анализ, она вместе с ним — комплексное обследование. К доктору они так и не вернулись. Все закончилось трагически, а момент трагедии совпал с примерной датой получения результатов генетической экспертизы.— Дело в том, что доктор говорит, там были очень странные анализы...— Что польешь, то и пожнешь. Она любила грубость бетонных плит. Их столько раз целовали волны, что оставили на них вмятины. Их твердость была ничто в сравнении с нежностью воды. Здесь все было заковано в гранит, и поцелуи воды бы-

ли гораздо более сдержанными, вода просто гладила вековые плиты своим течением. Но даже эта гладкость не может быть вечной, как и наша цивилизация. Род людской с его цивилизацией пришел и уйдет, а вода останется, и земля останется. Получше бы нам заботиться о своей земле. О своем доме. Такие мысли одолевали Полину, идущую вдоль канала. Полина подошла к лаборатории. Сердце как птица билось в груди, выбивая неведомые ритмы. Столько лет она не искала отца. Может, еще ничего и не получится из этой затеи. Может, он давно умер или его нет в базах данных. Но что-то подсказывало, что получится, и все есть, а сердце отбивало рефреном: скорей, скорей, скорей. И Полина не стала ждать — она вошла в дверь, за которой ей предстояло еще раз окунуться в реку своего прошлого. Все течет. Πάντα ρεῖ. И нельзя в одну реку войти дважды. А если долго сидеть у реки, то мимо тебя когда-нибудь проплывет труп врага. У Полины не было врагов, по крайней мере известных ей. Она нахмурилась, вспомнив странное происшествие, ставшее причиной отъезда. Хорошо, что она приехала. Нельзя в одну реку войти дважды. Русло ее определено, но что принесет вода, не ясно, да и русла меняются, реки оборачиваются вспять, в том числе и волей человека. Только хорошо ли это? Сила развернутой воды может омыть и очистить душу, как Авгиевы конюшни, а может и размыть все опоры и, затопив, погубить. Вода — очищающая, живительная, изменчивая и постоянная. Идеальный проводник и растворитель, мы состоим из нее. Мо-

жет, мы тоже проводники? От чего и к чему? Люди — как мосты, они могут прокладывать себе дорогу из одной души в другую, из прошлого в будущее из безнадежности в надежду, из небытия в бытие и из вечности во время. Полина попала в город мостов, рек и каналов, в город объединенных душ и шла по нему твердой походкой человека, принявшего решение..***Дмитрий и Стефан встретились тем же утром.— Они хотели ребенка, — произнес Стефан как-то грустно.— Что? Откуда ты знаешь? Кто?— Профессор сам сказал мне об этом, — задумчиво, как бы вспоминая, пояснил Стефан.— На секунду его взгляд прояснился, он посмотрел мне прямо в глаза, чего никогда не делал раньше, и произнес: «А мы ведь хотели ребенка. Какая глупость!»— Ну, вполне нормальное сожаление для человека, считающего себя древним царем. Наследник же нужен для царства! — не мог удержаться Дмитрий. — Не вечно ж самому править. А когда ты успел у него побывать?— Пока ты бродил с прекрасной Полиной по прекрасному городу.— Звучит, как будто ты мне завидуешь.— Есть немного. Но вообще-то я за тебя рад, — мягко улыбнулся Стефан одной из своих самых очаровательных улыбок, немного ироничной, но обезоруживающе доброй.— А еще я случайно встретил врача, к которому они обращались, — продолжил он.— Вот так случайность! Каким образом?— Он пришел ко мне, так как его тоже потрясла вся эта история. Он узнал об отпевании и нашел меня. Профессор хотел ребенка, она не хотела и настаивала на поиске уже

имеющихся возможных детей Февральского. Он был категорически против. Они не могли договориться. Противоречия в этой "идеальной" семье стали настолько кипящими, что рисковали обрызгать своей желчью любого, приближавшегося к ним. Доктор невольно оказался в зоне поражения. Он пытался разрядить атмосферу. Но каждый стоял на своем. В результате им удалось договориться, очертив квадратуру круга. Февральский сдает генетический анализ, она вместе с ним — комплексное обследование. К доктору они так и не вернулись. Все закончилось трагически, а момент трагедии совпал с примерной датой получения р

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.